

30 ВЕЧЕРОВ С ИСПАНСКИМ

*Двуязычные рассказы для чтения по
одному вечером*

ИСПАНСКИЙ В2

Александра Панфилова

**30 вечеров с испанским. Уровень
B2. Двухязычные рассказы**

«Автор»

2026

Панфилова А.

30 вечеров с испанским. Уровень В2. Двухязычные рассказы /
А. Панфилова — «Автор», 2026

Тридцать историй на немецком уровня В2 с параллельным литературным переводом на русский — по одной на вечер. Офисная ирония, тайное послание в романе, год переписки по ошибочному номеру, дневник без смартфона. Книга для тех, кто понимает каждое слово, но хочет слышать подтекст: недосказанность, иронию и то, что остаётся между строк. После каждой истории — словарик устойчивых выражений.

© Панфилова А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Cómo usar este libro / Как пользоваться этой книгой	6
DÍA 1	8
No está mal	8
Palabras y expresiones / Слова и выражения	14
DÍA 2	15
Responder a todos	15
Palabras y expresiones / Слова и выражения	19
DÍA 3	21
La escritora fantasma	21
Palabras y expresiones / Слова и выражения	25
DÍA 4	26
Oído en el café	26
Palabras y expresiones / Слова и выражения	30
DÍA 5	31
Una estrella	31
Palabras y expresiones / Слова и выражения	35
DÍA 6	36
Espere, por favor	36
Palabras y expresiones / Слова и выражения	40
DÍA 7	42
Nota de la traductora	42
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Александра Панфилова
30 вечеров с испанским. Уровень
В2. Двухязычные рассказы

30 вечеров с испанским

Уровень В2. Двухязычные рассказы для уверенного чтения

Cómo usar este libro / Как пользоваться этой книгой

Este libro contiene treinta historias, una para cada tarde de un mes. Está escrito para quienes ya leen en español con cierta soltura y quieren algo más de lo que puede darles un manual: historias de verdad, personajes vivos y un español como el que hablan realmente los nativos, con ironía, humor, acentos regionales y muchas cosas que se dicen entre líneas.

В этой книге тридцать историй — по одной на каждый вечер месяца. Она для тех, кто уже достаточно уверенно читает по-испански и хочет большего, чем может дать учебник: настоящих историй, живых героев и того испанского, на котором носители говорят на самом деле, — с иронией, юмором, региональными акцентами и множеством смыслов, спрятанных между строк.

A este nivel, la gramática ya no es el problema principal. Los tiempos verbales ya los conoces, y el subjuntivo, también. Lo difícil —y lo mucho más interesante— es la distancia entre lo que la gente dice y lo que quiere decir. Dicen que los españoles son abiertos y directos. Es verdad. Pero si un compañero mira tu trabajo y comenta: «Es muy original», ¿es un elogio? (No.) ¿Y si tu jefe vasco, al que hay que sacarle las palabras con sacacorchos, te dice: «No está mal», es una crítica? (Todo lo contrario.) Muchas de las historias de este libro juegan precisamente con esa distancia.

На этом уровне грамматика уже не главная трудность. Времена вы знаете, сослагательное наклонение тоже. Труднее — и гораздо интереснее — расстояние между тем, что люди говорят, и тем, что они имеют в виду. Говорят, что испанцы открытые и прямые. Это правда. Но если коллега смотрит на вашу работу и говорит: «Es muy original» («Очень оригинально»), — это похвала? (Нет.) А если ваш начальник-баск, из которого слова клещами не вытянешь, говорит: «No está mal» («Неплохо»), — это критика? (Совсем наоборот.) Многие истории этой книги играют именно с этим расстоянием.

Las historias, además, están contadas de maneras muy distintas. La mayoría son relatos normales y corrientes, pero hay un diario, un año entero de mensajes de móvil, una serie de indignadas cartas al director de un periódico local y una historia en la que el mismo día ocurre dos veces. Algunos finales son felices, otros agridulces, y unos cuantos se quedan abiertos: eso lo decides tú.

Да и рассказаны истории по-разному. Большинство — обычное повествование, но есть дневник, есть год переписки в сообщениях, есть серия возмущённых писем читателей в местную газету, а в одной истории один и тот же день случается дважды. Одни финалы счастливые, другие — с горчинкой, а некоторые остаются открытыми — решать вам.

Como en todos los libros de esta serie, cada párrafo aparece dos veces: primero en español y después en ruso. La versión rusa no es una traducción palabra por palabra, sino una traducción literaria: cuenta la misma historia en un ruso natural. Intenta leer primero el texto en español y echar un vistazo al ruso solo cuando de verdad lo necesites. A este nivel, muchas veces descubrirás que no te hace ninguna falta.

Как и во всех книгах серии, каждый абзац дан дважды: сначала по-испански, потом по-русски. Русский текст — не дословный, а литературный перевод: он рассказывает ту же историю естественным русским языком. Старайтесь сначала читать испанский и заглядывать в русский, только когда это действительно нужно. На этом уровне нередко окажется, что он вам вовсе не нужен.

Después de cada historia encontrarás el apartado **Palabras y expresiones**: una docena de expresiones que vale la pena recordar. La mayoría no son palabras sueltas, sino frases hechas, combinaciones fijas, muletillas y perífrasis verbales: esas piezas pequeñas y traicioneras del español que los diccionarios explican mal y que los nativos usan sin pensar. Los sustantivos llevan siempre su artículo, y cuando el artículo engaña, como en *el agua*, se indica también el género.

После каждой истории — раздел «Слова и выражения»: двенадцать выражений, которые стоит запомнить. Большинство из них — не отдельные слова, а идиомы, устойчивые сочетания, словечки-паразиты и глагольные конструкции: те маленькие коварные кирпичики испанского, которые словари объясняют плохо, а носители используют не задумываясь. У существительных всегда указан артикль, а там, где артикль обманчив, как в el agua, — ещё и род.

Cada historia se lee en unos quince minutos. Presta especial atención a la primera y a la última. Van juntas.

Одна история — примерно пятнадцать минут чтения. Особенно присмотритесь к первой и последней. Они связаны.

DÍA 1

No está mal

Mi primera mañana en el estudio de arquitectura Arrieta & Goikoetxea —era un lunes de marzo y llovía, cómo no—, la mujer de recepción levantó la vista de la pantalla, me sonrió y me dijo: «¡Egun on! ¿Qué, te ha costado encontrarnos, o qué?».

В первое утро в архитектурной студии «Арриета и Гойкоэчеа» — был мартовский понедельник, и, разумеется, шёл дождь — женщина на ресепшене подняла глаза от экрана, улыбнулась и сказала: «¡Egun on! ¿Qué, te ha costado encontrarnos, o qué?»

Por aquel entonces yo llevaba tres años en España. Había limpiado oficinas, había sobrevivido a dos cursos enteros de español para extranjeros en la Escuela Oficial de Idiomas y había aprobado el DELE B2 con una nota de la que estaba secretamente muy orgullosa. La segunda parte de su frase la entendí más o menos, aunque no supe qué contestar a aquel «o qué» del final. Pero la primera estaba clarísima: me había confundido con otra persona, una tal Egun. Así que le expliqué con mucha educación, en un castellano impecable, que yo no era Egun, sino Nadia Petrova, pero que aun así me haría mucha ilusión trabajar allí.

К тому времени я прожила в Испании три года. Я убирала офисы, выдержала два полных курса испанского для иностранцев в Официальной школе языков и сдала DELE B2 на балл, которым втайне очень гордилась. Вторую часть её фразы я более или менее поняла, хотя и не знала, что ответить на это «о qué» в конце. Зато с первой частью всё было ясно: она приняла меня за кого-то другого, за некую Эгун. Поэтому я очень вежливо, на безупречном литературном испанском, объяснила ей, что я не Эгун, а Надя Петрова, но всё равно буду очень рада здесь работать.

Me escuchó con amabilidad y cara de preocupación. Luego me lo repitió muy despacio, como a una niña: «Bue-nos-dí-as. ¿Te-ha-cos-ta-do-en-con-trar-nos?». Y añadió: «Rocío baja ahora mismo».

Она выслушала меня с вежливо-озабоченным видом. Потом повторила очень медленно, как ребёнку: «Доб-ро-е-ут-ро. Те-бе-труд-но-бы-ло-нас-най-ти?» И добавила: «Росио сейчас спустится».

Fue mi primera lección. El español de mis clases no era el español que se habla en Bilbao. «Egun on» no es el nombre de nadie: significa «buenos días» en euskera. Y aquel «o qué» del final no es una pregunta; en Bilbao lo añaden a casi todas las frases, como quien echa sal. Rocío, por cierto, bajó veinte minutos después. Eso también lo aprendí más tarde: «ahora mismo» es una unidad de tiempo muy flexible.

Это был мой первый урок. Испанский с моих курсов оказался не тем испанским, на котором говорят в Бильбао. «Egun on» — вовсе не чьё-то имя, а «доброе утро» по-баскски. А это «о qué» в конце — никакой не вопрос: в Бильбао его добавляют почти в каждую фразу, словно щепотку соли. Росио, кстати, спустилась минут через двадцать. Это я тоже поняла позже: «ahora mismo» — «прямо сейчас» — очень растяжимая единица времени.

Rocío Márquez resultó ser la responsable de la oficina: una mujer menuda de unos cuarenta años, gaditana, que hablaba a toda velocidad, llevaba anillos de plata en todos los dedos y tenía una risa que se oía desde el aparcamiento. Me enseñó mi mesa, la cocina, la impresora —que solo funcionaba si le hablabas con cariño— y la salida de emergencia. Luego se me quedó mirando, pensativa.

Росио Маркес оказалась офис-менеджером — миниатюрная женщина лет сорока из Кадиса. Она тараторила, носила серебряные кольца на всех пальцах, а смеялась так, что было слышно с парковки. Росио показала мне мой стол, кухню, принтер, который работал,

только если с ним ласково разговаривать, и пожарный выход. Потом задумчиво на меня посмотрела.

—Tu español es buenísimo, cariño —dijo—. Aquí nos tuteamos todos, por cierto. Todos menos el señor Goikoetxea. El señor Goikoetxea trata de usted a todo el mundo. Dicen que hasta a su mujer.

— У тебя отличный испанский, солнышко, — сказала она. — Мы тут, кстати, все на «ты». Все, кроме сеньора Гойкоэчеа. Сеньор Гойкоэчеа со всеми на «вы». Говорят, даже с собственной женой.

—Gracias.

—Спасибо.

—No, en serio. Precisamente por eso vas a tener una semana horrorosa.

—Нет, я серьёзно. Потому-то неделька у тебя будет кошмарная.

No entendí qué quería decir. El miércoles lo entendí.

Я не поняла, что она имела в виду. К среде поняла.

* * *

El trabajo en sí no era difícil. Yo era coordinadora de proyectos: controlaba los plazos, reservaba salas de reuniones, perseguía a los proveedores y me aseguraba de que la gente que dibujaba edificios bonitos se acordara también de cobrarlos. En Rusia había hecho algo parecido durante ocho años en una empresa de ingeniería. Sabía cómo funcionan los proyectos. Lo que no sabía era cómo funcionan los bilbaínos.

Сама работа была несложной. Я была координатором проектов: следила за сроками, бронировала переговорные, бегала за поставщиками и напоминала людям, которые рисуют красивые здания, что за них ещё и деньги надо брать. В России я восемь лет занималась чем-то похожим в инженерной компании. Я знала, как устроены проекты. Чего я не знала — так это как устроены жители Бильбао.

El martes hubo una reunión con un cliente: un promotor inmobiliario llamado Peralta, que quería convertir en viviendas una antigua fábrica de chocolate de Zorrotzaurre. Tenía una idea. Su idea era pintar el edificio entero de morado, «para que la gente piense en el envoltorio de las tabletas de chocolate».

Во вторник была встреча с клиентом — застройщиком по фамилии Перальта, который хотел переделать под жильё старую шоколадную фабрику в Сорроцаурре. У него была идея. Идея заключалась в том, чтобы покрасить всё здание в фиолетовый цвет, «чтобы людям вспоминались обёртки от шоколадок».

El señor Goikoetxea, el socio fundador, escuchaba con las yemas de los dedos juntas. Tenía sesenta y pocos años; era alto, canoso, con una de esas caras tranquilas que invitan a confesarlo todo. Cuando el señor Peralta terminó, asintió despacio.

Сеньор Гойкоэчеа, партнёр-основатель, слушал, сложив кончики пальцев. Ему было слегка за шестьдесят — высокий, седой, с таким спокойным лицом, что хочется во всём ему сознаться. Когда сеньор Перальта закончил, он медленно кивнул.

—Es una propuesta muy original —dijo—. Habrá que darle una vuelta.

— Очень оригинальное предложение, — сказал он. — Над этим надо будет ещё подумать.

Lo apunté con mucho cuidado en mi libreta: *PENDIENTE: el Sr. Goikoetxea estudia la fachada morada*. Después de la reunión lo añadí al plan del proyecto y se lo mandé a todo el mundo.

Я аккуратно записала в блокнот: ЗАДАЧА: сеньор Гойкоэчеа прорабатывает фиолетовый фасад. После встречи я внесла это в план проекта и разослала план всем.

Diez minutos después, Rocío estaba de pie junto a mi mesa. Hacía un esfuerzo enorme por no reírse.

Через десять минут у моего стола появилась Росио. Она из всех сил старалась не рассмеяться.

—Nadia, mi arma. Punto seis.

— *Надя, душа моя. Пункт шесть.*

—¿La fachada morada?

— *Фиолетовый фасад?*

—No hay ninguna fachada morada. Ni la habrá nunca. «Muy original» quiere decir que le parece un horror. Y «habrá que darle una vuelta» quiere decir que la idea está muerta y enterrada.

— *Нет никакого фиолетового фасада. И никогда не будет. «Очень оригинально» значит, что ему это кажется кошмаром. А «над этим надо ещё подумать» значит, что идея уже мертва и похоронена.*

—¡Pero si los vascos tienen fama de ir siempre de frente!

— *Но ведь баски славятся тем, что всегда говорят прямо!*

—Entre ellos, sí. Si a Iñaki le parece que tu tabla es una chapuza, te dice: «Tu tabla es una chapuza». Eso es lo fácil. Pero con un cliente delante, aquí hasta el más bruto se vuelve diplomático. —Sacó una servilleta de papel del bolsillo, la alisó sobre mi mesa y trazó una raya por el medio, de arriba abajo. A la izquierda escribió *Lo que dicen*. A la derecha, *Lo que quieren decir*—. Venga —dijo—. Lección uno.

— *Между собой — да. Если Иньяки решит, что твоя таблица — халтура, он так и скажет: «Твоя таблица — халтура». Это как раз просто. Но при клиенте тут даже самый грубый становится дипломатом. — Она достала из кармана бумажную салфетку, разгладила её на моём столе и провела посередине линию сверху вниз. Слева написала Что они говорят. Справа — Что они имеют в виду. — Итак, — сказала она. — Урок первый.*

* * *

La servilleta se llenó enseguida.

Салфетка заполнилась быстро.

Es muy original. — Es horroroso.

«Es muy original» («Очень оригинально»). — *Ужас.*

Bueno, a ver... — Ahora viene la crítica. Siéntate.

«Bueno, a ver...» («Так, ну-ка посмотрим...»). — *Сейчас будет критика. Сядь.*

Ya veremos. — No.

«Ya veremos» («Посмотрим»). — *Нет.*

Ya si eso... — Nunca.

«Ya si eso...» («Ну, если что...»). — *Никогда.*

Sin prisa, ¿eh? — Para mañana a primera hora.

«Sin prisa, ¿eh?» («Не к спеху»). — *К завтрашнему утру.*

Correcto. — Muy bien.

«Correcto» («Верно»). — *Очень хорошо.*

Me quedé mirando la última línea.

Я уставилась на последнюю строчку.

—¿Y cuando algo les gusta de verdad? ¿Qué dicen entonces?

— *А если им что-то по-настоящему нравится? Что они тогда говорят?*

Rocío se echó a reír.

Росио рассмеялась.

—Nada. Ese es el truco. Aquí, si no te dicen nada, es que está bien. Un vasco que no protesta ya te está haciendo un cumplido.

— *Ничего. В этом весь фокус. Здесь если тебе ничего не сказали — значит, всё хорошо. Если баск не ворчит, это уже комплимент.*

—Es un idioma muy tonto —dije.

— *Очень глупый язык, — сказала я.*

—No es el idioma —dijo Rocío—. Es la gente. Yo llegué de Cádiz hace dieciséis años. Tardé tres en entender que en Bilbao, cuando quedas «a las ocho», es a las ocho. No a las ocho y media, como en mi tierra. La primera amiga que hice aquí tardó un año entero en dirigirme la palabra.

—Дело не в языке, — сказала Росио. — Дело в людях. Я приехала из Кадиса шестнадцать лет назад. Мне понадобилось три года, чтобы понять: если в Бильбао договорились встретиться «в восемь», значит, в восемь. А не в половине девятого, как у нас дома. Первая подруга, которую я тут завела, заговорила со мной только через год.

* * *

El miércoles, el señor Goikoetxea se detuvo junto a mi mesa y estuvo un buen rato mirando mi tabla.

В среду сеньор Гойкоэчеа остановился у моего стола и долго смотрел на мою таблицу.

—Bueno, a ver... —dijo con amabilidad—. Aquí hay algo que no acabo de ver claro.

—Так, ну-ка посмотрим... — дружески сказал он. — Что-то я тут пока не очень понимаю.

La servilleta estaba en mi cajón. No me hizo falta. Se me subieron los colores.

Салфетка лежала у меня в ящике. Она мне не понадобилась. Лицо у меня вспыхнуло.

—La rehago —dije.

—Я её переделаю, — сказала я.

—Ah, sin prisa, ¿eh? —dijo el señor Goikoetxea, lo cual, como comprobé después, significaba para mañana a primera hora.

—О, не к спеху, — сказал сеньор Гойкоэчеа, что — как я потом проверила — означало к завтрашнему утру.

Ese día me quedé hasta las tantas y lo rehice todo. Lo organicé por colores. Añadí una página de resumen. En el metro, de vuelta a casa, me acordé de mi primera clase en la Escuela Oficial de Idiomas, tres años antes, cuando no era capaz de deletrear mi propio nombre sin que me temblara la voz. Entonces el problema eran las palabras. Ahora conocía las palabras. El problema era todo lo que había entre ellas.

В тот день я задержалась допоздна и сделала всё заново. Всё разметила цветом. Добавила сводную страницу. В метро по дороге домой я вспоминала своё первое занятие в Официальной школе языков три года назад, когда не могла продиктовать по буквам собственное имя без дрожи в голосе. Тогда проблемой были слова. Теперь я знала слова. Проблемой было всё, что лежало между ними.

* * *

El jueves ya estaba casi paranoica. Rocío me había explicado lo del bote del café: una lata vieja en la cocina donde cada uno echaba cincuenta céntimos por taza. A quien se tomaba un café sin pagar nadie le decía nada: simplemente quedaba juzgado, en silencio y para siempre. Y quien se servía la última taza tenía que preparar otra cafetera. La última taza me la serví yo. Así que hice café para todos y fui tomando nota de los pedidos, como una camarera, con mi libreta.

К четвергу у меня началась почти паранойя. Росио уже объяснила мне, что такое «bote del café» — старая жестяная банка на кухне, куда каждый бросает пятьдесят центов за чашку. Того, кто пьёт кофе и не платит, никто не упрекает вслух — его молча и навсегда осуждают. А кто налил себе последнюю чашку, тот варит новый кофейник. Последнюю чашку налила себе я. Так что я варила кофе на всех и принимала заказы, как официантка, с блокнотом.

—Cortado, sin azúcar —dijo Iñaki, el de cálculo de estructuras.

—Кортадо, без сахара, — сказал Иньяки из отдела расчёта конструкций.

—¿Lo dices en serio —pregunté— o quieres decir lo contrario?

—Ты это в прямом смысле, — спросила я, — или имеешь в виду обратное?

Iñaki se me quedó mirando un rato larguísimo. Luego dijo muy despacio, como quien le habla a un animal peligroso:

Иньяки очень долго на меня смотрел. Потом медленно, словно разговаривал с опасным животным, произнёс:

—Cortado. Sin. Azúcar.

— *Кортадо. Без. Сахара.*

Rocío soltó una carcajada tan fuerte que el señor Goikoetxea salió de su despacho a ver qué pasaba.

Росио расхохоталась так громко, что сеньор Гойкоэчеа вышел из кабинета посмотреть, что случилось.

* * *

El viernes por la mañana le envié al señor Goikoetxea mi primer informe de verdad: un análisis completo del proyecto de la fábrica de chocolate, con calendario, riesgos y costes. Había trabajado en él toda la semana. Había revisado cada cifra dos veces y cada frase, tres. Incluso había sugerido con mucha educación, en una pequeña nota al pie de la página nueve, que una puerta de entrada de color marrón oscuro «podría evocar la historia del edificio sin los riesgos de una fachada completamente morada». De esa frase estaba bastante orgullosa.

В пятницу утром я отправила сеньору Гойкоэчеа свой первый настоящий отчёт — полный обзор проекта шоколадной фабрики, со сроками, рисками и расходами. Я работала над ним всю неделю. Каждую цифру проверила дважды, каждое предложение — трижды. Я даже очень вежливо предложила — в маленькой сноске на девятой странице, — что тёмно-коричневая входная дверь «могла бы напоминать об истории здания без рисков, связанных с полностью фиолетовым фасадом». Этой фразой я довольно-таки гордилась.

A la una salió de su despacho con el informe impreso. Se detuvo junto a mi mesa. Toda la oficina se calló un poco, como solo saben callarse las oficinas.

В час дня он вышел из кабинета с распечаткой. Остановился у моего стола. Весь офис слегка притих — как умеют притихать только офисы.

—Señora Petrova —dijo. Pasó unas cuantas páginas. En la nueve se detuvo, y algo se le movió en la comisura de los labios. Luego cerró el informe y me miró por encima de las gafas—. No está mal.

— *Сеньора Петрова, — сказал он. Перелистнул несколько страниц. На девятой остановился, и в уголке его рта что-то дрогнуло. Потом он закрыл отчёт и посмотрел на меня поверх очков. — No está mal.*

Y volvió a su despacho.

И ушёл обратно к себе в кабинет.

Me quedé inmóvil. *No está mal.* Después de una semana entera de trabajo. Ni bien ni mal: un aprobado raspado. Ni siquiera había merecido una crítica: así de anodino era. Me escocían los ojos. Me levanté, fui con calma al baño de mujeres, me encerré y me quedé allí de pie, respirando, igual que tres años antes me había quedado delante de la puerta del aula.

Я сидела не шевелясь. No está mal. «Неплохо». После целой недели работы. Ни хорошо, ни плохо — трючка с натяжкой. Даже критики не заслужила — настолько всё бесцветно. Глаза защипало. Я встала, спокойно дошла до женского туалета, заперлась и просто стояла и дышала — так же, как три года назад стояла перед дверью класса.

Llamaron a la puerta.

Раздался стук.

—¿Nadia? Soy yo.

— *Надя? Это я.*

Abrí. Era Rocío, con dos cafés y una cara que no le había visto nunca: algo muy parecido a la veneración.

Я открыла дверь. На пороге стояла Росио с двумя чашками кофе и с таким выражением лица, какого я у неё ещё не видела. Это было что-то близкое к благоговению.

—¿Te ha dicho «no está mal»? —preguntó.

—Он сказал тебе «no está mal»? —спросила она.

—Sí. Y luego se ha ido.

—Да. А потом ушёл.

Dejó las tazas en el borde del lavabo, con muchísimo cuidado, como si las manos ya no le obedecieran.

Она очень осторожно поставила чашки на край раковины, будто руки перестали её слушаться.

—Nadia. Llevo seis años trabajando para este hombre. A mí me ha dicho «correcto», como mucho, cuatro veces. «No está mal» no se lo ha dicho nunca a nadie. Ni una sola vez. Iñaki lleva once años aquí. Iñaki mataría por un «no está mal».

—Надя. Я шесть лет работаю на этого человека. Мне он говорил «correcto» от силы раза четыре. «No está mal» он не говорил никому и никогда — ни разу. Иньяки здесь одиннадцать лет. Иньяки бы убил за одно «no está mal».

—Entonces... ¿es bueno?

—Значит, это... хорошо?

—Cariño, un «no está mal» en boca de un vasco significa que no hay nada que corregir. Viniendo del señor Goikoetxea, es prácticamente una ovación con todo el público en pie.

—Солнышко, «no está mal» в устах баска значит, что исправлять нечего. А от сеньора Гойкоэчеа — это практически овация всего зала стоя.

Me eché a reír y ya no pude parar, y luego Rocío se rio también, y las dos nos quedamos allí, en el baño de mujeres de Arrieta & Goikoetxea, con nuestros cafés, riéndonos, hasta que la chica de recepción llamó a la puerta para preguntar si iba todo bien. Y esta vez supe exactamente qué contestar.

Я расхохоталась и никак не могла остановиться, потом засмеялась и Росио, и мы обе стояли в женском туалете студии «Арриета и Гойкоэчеа» с кофе в руках и хохотали, пока девушка с ресепшена не постучала и не спросила, всё ли у нас в порядке. И на этот раз я точно знала, что ответить.

—Correcto —dije.

—Correcto, — сказала я.

* * *

Aquella noche, en casa, saqué la servilleta del bolso y la alisé sobre la mesa de la cocina. Misha la leyó por encima de mi hombro y se rio un buen rato. Luego cogí un boli y añadí una línea nueva al final.

Вечером дома я достала салфетку из сумки и разгладила её на кухонном столе. Миша прочитал её, заглядывая мне через плечо, и долго смеялся. Потом я взяла ручку и дописала внизу новую строчку.

No está mal. — Excelente. (Rarísimo. Guarda esta servilleta.)

«No está mal» («Неплохо»). — Превосходно. (Большая редкость. Сохрани эту салфетку.)

Todavía la tengo. Está pegada en la nevera, debajo de un imán con forma de Guggenheim. Cuando llegué a España pensaba que aprender un idioma era aprenderse sus palabras. Ahora sé que eso es solo la mitad. La otra mitad vive en los huecos que quedan entre las palabras, y ahí, por lo visto, es donde se esconde casi todo el español.

Она у меня до сих пор. Висит на холодильнике под магнитом в виде музея Гуггенхайма. Когда я приехала в Испанию, мне казалось, что выучить язык — значит выучить его слова. Теперь я знаю, что это только половина дела. Вторая половина живёт в промежутках между словами — и именно там, как выяснилось, прячется бо́льшая часть испанского.

Palabras y expresiones / Слова и выражения

¡Egun on! — (баск.) Доброе утро! Здравствуйте!

tutear / tratar de usted a alguien — обращаться к кому-л. на «ты» / на «вы»

perseguir a alguien — бегать за кем-л., донимать кого-л. (поставщиков, должников)

Es muy original. — Очень оригинально (= ужасно)

Habrá que darle una vuelta. — Надо будет над этим ещё подумать (= идея похоронена)

Ya veremos. — Посмотрим (= нет)

Ya si eso... — Ну, если что... (= никогда)

Sin prisa. — Не к спеху (= к завтрашнему утру)

ir de frente — действовать и говорить прямо, без обиняков

la chapuza — халтура, работа, сделанная кое-как

el bote del café — общая копилка на кофе в офисе

No está mal. — Неплохо (у немногословного баска = отлично)

DÍA 2

Responder a todos

A las 9:47 de un lunes gris de noviembre en Madrid, Javi Romero pulsó *Enviar*, se echó hacia atrás en la silla y le dio un sorbo largo y satisfecho al café. Fue el último momento de paz de su día.

В 9:47 серым ноябрьским понедельником в Мадриде Хави Ромеро нажал «Отправить», откинулся на спинку стула и сделал долгий довольный глоток кофе. Это было последнее спокойное мгновение его дня.

Aquel correo le había costado casi toda la tarde del domingo. Iba dirigido —eso creía él— a su compañera y amiga Lucía, que se sentaba cuatro mesas más allá y se había pasado toda la reunión general del viernes dibujando unicornios diminutos en el margen de la libreta. La reunión había sido sobre el «Proyecto Unicornio».

Письмо отняло у него почти весь воскресный вечер. Оно было адресовано — так он думал — коллеге и подруге Лусии, которая сидела через четыре стола и всё пятничное общее собрание рисовала на полях блокнота крошечных единорогов. Собрание было посвящено «Проекту Единорог».

El Proyecto Unicornio era la visión personal de Pilar Ortega, fundadora y consejera delegada de Gato Creativo, una agencia de publicidad de ciento cuarenta personas que ocupaba las tres últimas plantas de una antigua fábrica de lámparas en Arganzuela. Según el Proyecto Unicornio, la agencia iba a cambiar de nombre y pasar a llamarse GTC («Es más limpio», dijo la señora Ortega), iba a adoptar un nuevo valor corporativo, «Sé más gato» (nadie sabía qué significaba), y todos los viernes iba a empezar con un «círculo de energía» de quince minutos en el que todo el mundo tendría que ponerse en corro y decir una cosa que le hiciera sentirse «imparable».

«Проект Единорог» был личным детищем Пилар Ортеги, основательницы и генерального директора «Гато Креативо» — рекламного агентства на сто сорок человек, занимавшего три верхних этажа бывшей ламповой фабрики в районе Аргансуэла. В рамках «Проекта Единорог» агентство должно было сменить название на GTC («Так чище», — сказала сеньора Ортега), ввести новую корпоративную ценность «Будь больше котом» (никто не знал, что это значит) и каждую пятницу начинать с пятнадцатиминутного «энергетического круга», в котором все должны были встать в кружок и рассказывать, что помогает им чувствовать себя «неудержимыми».

Javi había escrito cinco puntos. Eran, en su opinión, bastante buenos. El punto uno explicaba con educación, pero con firmeza, que «GTC» sonaba a impreso de Hacienda. El punto dos recordaba que la expresión más famosa del español con la palabra «gato» era «dar gato por liebre», es decir, engañar al cliente, y preguntaba si de verdad era ese el mensaje que la agencia quería transmitir. El punto tres calculaba que el círculo de energía haría que a la mitad de la oficina le entraran ganas de despedirse y que la otra mitad se despidiera de verdad. El punto cuatro era un chiste sobre la nueva mesa elevable de la señora Ortega, del que ya se arrepentía un poco. Y el punto cinco —que había reescrito seis veces— era un plan serio y bien argumentado de lo que la agencia debería hacer en lugar de todo aquello.

Хави написал пять пунктов. Очень даже неплохих, как ему казалось. Первый пункт вежливо, но твёрдо объяснял, что «GTC» звучит как название налоговой формы. Вторым напоминал, что самое известное испанское выражение со словом «gato» («кот») — «dar gato por liebre», «подсунуть кота вместо зайца», то есть обмануть покупателя, — и спрашивал, действительно ли агентство хочет донести до клиентов именно это. Третий прикидывал, что от энергетического круга половине офиса захочется уволиться, а другая половина уволится

на самом деле. Четвёртый был шуткой о новом подъёмном столе сеньоры Ортеги — о ней он уже слегка жалел. А пятый — его он переписывал шесть раз — был серьёзным, тщательно продуманным планом того, что агентству следует делать вместо всего этого.

Había empezado a escribir «Lucía» en el campo del destinatario, el ordenador le había sugerido amablemente un nombre que empezaba por L, y él le había dado al Intro sin mirar.

Он начал вводить в поле адресата «Лусия», компьютер услужливо предложил имя на «L», и Хави нажал Enter, не глядя.

El nombre que empezaba por L era Los Gatos (toda la agencia).

Имя на «L» было Los Gatos (toda la agencia) — «Коты (всё агентство)».

* * *

Se dio cuenta a las 9:49, cuando la oficina se quedó en un silencio que no había oído nunca. No era exactamente silencio. Era el sonido de ciento cuarenta personas leyendo.

Он понял это в 9:49, когда в офисе стало тихо так, как никогда прежде. Это была не совсем тишина. Так звучат сто сорок читающих человек.

Luego alguien junto a la ventana se rio y lo convirtió rápidamente en una tos. Luego otra persona. Luego la cabeza de Lucía asomó por encima de su monitor, con los ojos enormes, y le dijo, solo moviendo los labios, una palabra que no se puede imprimir en un libro para estudiantes de idiomas.

Потом кто-то у окна засмеялся и тут же превратил смех в кашель. Потом ещё кто-то. Потом над монитором показалась голова Лусии с огромными глазами, и Лусия, глядя на него, одними губами произнесла одно-единственное слово, которое нельзя напечатать в книге для изучающих язык.

Javi miró la pantalla. Miró la línea del destinatario. Sintió que el estómago se le caía al suelo desde la cuarta planta, atravesaba las tres de abajo y seguía bajando hasta las vías del metro.

Хави посмотрел на экран. Посмотрел на строку адресата. Внутри у него всё оборвалось и рухнуло — сквозь пол четвёртого этажа, сквозь три нижних и дальше, до самых путей метро.

Había un botón que decía *Recuperar mensaje*. Lo pulsó. Una ventanita le informó de que la recuperación había fallado para 139 destinatarios y había funcionado para uno. Ese uno era Lucía, que ya lo había leído.

Была кнопка «Отозвать сообщение». Он нажал её. Маленькое окошко сообщило, что отзыв не удался для 139 получателей и удался для одного. Этим одним была Лусия, которая уже всё прочла.

* * *

A las diez, la cosa se desmadró.

К десяти всё пошло вразнос.

Alguien de contabilidad respondió a todos: «Por favor, sacadme de esta lista». Alguien de diseño respondió a todos: «A mí también». Un redactor joven respondió a todos con un GIF de un caballo cayéndose a una piscina, y recibió al instante — también a todos — la respuesta de una técnica de Recursos Humanos que recordaba la política de uso responsable del correo electrónico. Entonces catorce personas respondieron a todos para pedir a todos que dejaran de responder a todos.

Кто-то из бухгалтерии ответил всем: «Пожалуйста, удалите меня из этой рассылки». Кто-то из дизайна ответил всем: «Меня тоже». Молодой копирайтер ответил всем гифкой с лошастью, падающей в бассейн, и тут же получил — тоже всем — ответ от сотрудницы отдела кадров, напоминавшей о правилах корректного использования электронной почты. После этого четырнадцать человек ответили всем с просьбой ко всем перестать отвечать всем.

Javi bajó corriendo dos plantas hasta Informática, donde un hombretón tranquilo llamado Rubén se estaba comiendo un bocadillo de calamares.

Хави сбежал на два этажа вниз, в IT-отдел, где здоровенный невозмутимый парень по имени Рубен ел бутерброд с жареными кальмарами.

—Rubén. Tienes que borrar un correo. De todos los buzones. Ya.

—*Рубен. Тебе нужно удалить письмо. Из всех ящиков. Прямо сейчас.*

Rubén masticó, pensativo.

Рубен задумчиво жевал.

—¿El del gato por liebre?

—*Это которое про кота вместо зайца?*

—Sí.

—Да.

—Lo he leído. El punto dos, buenísimo. —Se limpió los dedos—. Lo puedo borrar, pero para eso necesito una autorización por escrito de la dirección.

—*Читал. Второй пункт — огонь. — Он вытер пальцы. — Удалить могу, но для этого мне нужно письменное разрешение от руководства.*

—Rubén, la dirección es el tema del correo.

—*Рубен, руководство — это и есть тема письма.*

—Pues entonces tienes un problemilla —dijo Rubén, sin ninguna mala intención, y volvió a su bocadillo.

—*Тогда у тебя небольшая проблемка, — беззлобно сказал Рубен и вернулся к своему бутерброду.*

* * *

Solo había una buena noticia, y Lucía se la dio junto a la máquina de café. La señora Ortega estaba todo el día en Barcelona, presentando una campaña a un cliente, y su asistente había confirmado que nunca miraba el correo durante una presentación. Volvía en el AVE de las 17:30, que llegaba a Atocha poco después de las ocho.

Хорошая новость была только одна, и Лусия сообщила её у кофемашины. Сеньора Ортега весь день в Барселоне, представляет клиенту кампанию, а её ассистентка подтвердила, что во время презентаций она почти никогда не читает. Обратно она едет скоростным AVE в 17:30, который приходит на Аточу в начале девятого.

—O sea, que lo va a leer en el tren —dijo Javi—. Casi tres horas de wifi y nada que hacer.

—*Значит, прочитает в поезде, — сказал Хави. — Почти три часа вайфая, и делать нечего.*

—A no ser —dijo Lucía despacio— que el wifi del AVE vaya tan mal como siempre.

—*Если только, — медленно сказала Лусия, — вайфай в AVE не барахлит, как обычно.*

Se miraron. Era una esperanza débil, pero era la única que tenían.

Они переглянулись. Надежда была слабая, но другой у них не было.

Javi se pasó el resto del día barajando opciones. Podía despedirse antes de que lo echaran. Podía decir que le habían hackeado la cuenta, aunque nadie se iba a creer que un hacker hubiera escrito cuatro páginas cuidadosamente argumentadas sobre arquitectura de marca. Podía emigrar a Canadá. Escribió tres cartas de dimisión distintas y las borró todas. A las cinco ya había elegido la única opción con un mínimo de dignidad: se lo diría él mismo, a la cara, antes de que ella lo leyera.

Остаток дня Хави обдумывал варианты. Можно уволиться самому, пока его не выгнали. Можно заявить, что аккаунт взломали, — но никто не поверит, что хакер написал четыре страницы тщательных рассуждений об архитектуре бренда. Можно эмигрировать в Канаду. Он написал три разных заявления об уходе и все удалил. К пяти часам он остановился на единственном варианте, в котором было хоть немного достоинства: он скажет ей сам, в лицо, прежде чем она прочтёт.

* * *

A las 20:05 esperaba en la zona de llegadas de Puerta de Atocha con un café para la señora Ortega, a modo de ofrenda de paz. Solo después de comprarlo cayó en la cuenta de que no sabía cómo lo tomaba: ¿solo, cortado, con leche, con sacarina? El tren llegó con once minutos de retraso. Últimamente, para un AVE, eso era casi puntual. Pilar Ortega salió de las primeras: una mujer menuda con un abrigo rojo largo y el móvil en la mano. Iba leyendo.

В 20:05 он ждал в зоне прибытия вокзала Пуэрта-де-Аточа с кофе для сеньоры Ортеги — в знак примирения. И только купив его, сообразил, что не знает, какой кофе она пьёт: чёрный, кортадо, с молоком, с сахарозаменителем? Поезд опоздал на одиннадцать минут. В последнее время для AVE это почти пунктуальность. Пилар Ортега вышла одной из первых — невысокая женщина в длинном красном пальто, с телефоном в руке. Она читала.

Levantó la vista y lo vio. No pareció sorprendida.

Она подняла глаза и увидела его. Удивлённой она не выглядела.

—Javier —dijo—. ¿Eso es para mí?

—Хавьер, — сказала она. — Это мне?

Él le dio el café.

Он протянул ей кофе.

—No sabía cómo lo tomas. Lo siento. Por todo. Quería mandárselo a Lucía, y la dirección...

— Я не знал, какой ты пьёшь. Прости. За всё. Я хотел отправить письмо Луции, а адрес...

—El wifi ha ido hoy de maravilla —dijo la señora Ortega—. Por primera vez en la historia de Renfe. —Dio un sorbo e hizo una ligera mueca—. Lo he leído tres veces.

— Вайфай сегодня работал великолепно, — сказала сеньора Ортега. — Впервые за всю историю испанских железных дорог. — Она отпила глоток и слегка поморщилась. — Я прочла письмо три раза.

Javi esperó el final de su carrera profesional.

Хави ждал конца своей карьеры.

—El punto cuatro es cruel y, además, falso —dijo ella—. Mi mesa elevable es estupenda para la espalda y no quiero volver a oír hablar de ella. —Hizo una pausa—. Los otros cuatro puntos son verdad.

— Четвёртый пункт — злой и к тому же неверный, — сказала она. — Мой подъёмный стол отлично бережёт спину, и я больше не хочу о нём слышать. — Она помолчала. — Остальные четыре пункта — правда.

Él abrió la boca. No le salió nada.

Он открыл рот, но не смог выдать ни звука.

—¿Sabes qué me parece curioso? —siguió la señora Ortega, echando a andar hacia la salida, de modo que él tuvo que seguirla—. Hace tres semanas presenté el Proyecto Unicornio al comité de dirección. Ocho personas. Todos y cada uno me dijeron que era «una línea muy interesante». Uno me dijo que era «valiente». Ninguno me dijo que sonaba a impreso de Hacienda con nombre de estafa. —Le echó un vistazo rápido—. ¿Por qué crees que fue?

— Знаешь, что мне кажется любопытным? — продолжила сеньора Ортега, направляясь к выходу, так что ему пришлось идти следом. — Три недели назад я представила «Проект Единорог» правлению. Восемь человек. Каждый сказал, что это «очень интересное направление». Один сказал — «смело». Никто не сказал мне, что это звучит как налоговая форма с мошенническим названием. — Она бросила на него быстрый взгляд. — Как думаешь, почему?

—¿Porque eres la jefa?

—Потому что ты начальница?

—Porque soy la jefa. —Suspiró—. Cuando diriges una empresa, la gente deja de decirte la verdad. No porque sean malas personas. Porque es más fácil. Y un buen día levantas la cabeza y te

encuentras un viernes por la mañana en corro, preguntándoles a personas adultas qué les hace sentirse imparables.

— *Потому что я начальница. — Она вздохнула. — Когда руководишь компанией, люди перестают говорить тебе правду. Не потому, что они плохие. Потому что так проще. И в один прекрасный день ты поднимаешь голову и обнаруживаешь, что стоишь в пятницу утром в кружке и спрашиваешь взрослых людей, отчего они чувствуют себя неудержимыми.*

Habían salido a la glorieta. Delante de ellos, la fachada iluminada del Ministerio de Agricultura se recortaba contra el cielo de la noche. Hacía ese frío seco que hace en Madrid en noviembre y que se te mete directamente en los huesos.

Они вышли на площадь перед вокзалом. Напротив, на фоне ночного неба, сиял огнями фасад Министерства сельского хозяйства. Стоял тот сухой ноябрьский мадридский холод, который пробирает прямо до костей.

— El punto cinco — dijo la señora Ortega—. El plan. ¿De verdad te ves capaz?

— *Пятый пункт, — сказала сеньора Ортега. — План. Ты правда справишься?*

— Yo... sí. Creo que sí. Con un equipo pequeño.

— *Я... да. Думаю, да. С небольшой командой.*

— Bien. Lo diriges tú. Empiezas mañana. Quiero una propuesta para el viernes. — Sacó el móvil, tecleó unos segundos y pulsó un botón con un placer evidente—. Listo.

— *Хорошо. Руководить будешь ты. Начинаешь завтра. К пятнице жду концепцию. — Она достала телефон, несколько секунд что-то печатала и с явным удовольствием нажала кнопку. — Вот.*

A Javi le vibró el móvil en el bolsillo. Era un correo de Pilar Ortega a Los Gatos (toda la agencia).

У Хави в кармане завибрировал телефон. Это было письмо от Пилар Ортеги на адрес «Коты (всё агентство)».

Javier tiene razón. El Proyecto Unicornio queda cancelado. El círculo de energía, también. A partir de mañana, Javier se encarga de lo que venga después: por favor, echadle una mano. Y, por lo que más queráis, dejad de responder a todos. — P. O.

«Хавьер прав. „Проект Единорог“ отменяется. Энергетический круг — тоже. С завтрашнего дня дальнейшую работу возглавит Хавьер — прошу всех ему помочь. И, ради всего святого, перестаньте отвечать всем. — П. О.»

Cuando llegó a casa, tenía cuarenta y tres respuestas. Todas, sin excepción, iban dirigidas a Los Gatos (toda la agencia).

К тому времени, как он добрался до дома, у него было сорок три ответа. И все до единого — на адрес «Коты (всё агентство)».

Palabras y expresiones / Слова и выражения

la reunión general — общее собрание сотрудников

a no ser que — если только не... (+ subjuntivo)

responder a todos — ответить всем

dar gato por liebre — подсунуть кота вместо зайца, обмануть, всучить подделку

desmadrarse — (разг.) выйти из-под контроля, пойти вразнос

sacar a alguien de una lista — удалить кого-л. из списка

despedirse (de un trabajo) — уволиться по собственному желанию

a la cara — в лицо, лично

caer en la cuenta de algo — сообразить, вдруг понять

hacer una mueca — поморщиться, скривиться

echar una mano a alguien — помочь кому-л.

por lo que más queráis — ради всего святого, умоляю вас

DÍA 3

La escritora fantasma

Judit Campos había escrito once libros, y en ninguno aparecía su nombre.

Худит Кампос написала одиннадцать книг, и ни на одной из них не стояло её имени.

Había sido un futbolista que no había leído un libro en su vida, un cantante melódico que se había encontrado a sí mismo en Bali, un exministro «incomprendido por la historia». Había sido una amazona de competición, la villana de un *reality* y una vez —inolvidable— un perro. Se pasaba horas sentada con aquellas personas, grababa sus voces, aprendía cómo hablaban y qué chistes contaban, y luego volvía a su pisito de Lavapiés y se convertía en ellas, sobre el papel. Cuando los libros salían, en la portada estaban sus caras, y en los agradecimientos, con suerte, aparecía ella: «mi estupenda editora, Judit».

Она была футболистом, который в жизни не прочёл ни одной книги, эстрадным певцом, обретшим себя на Бали, бывшим министром, которого «не поняла история». Она была наездницей-конкурристкой, злодейкой из реалити-шоу и однажды — незабываемый случай — собакой. Она часами сидела с этими людьми, записывала их голоса, изучала, как они говорят и какие шутки рассказывают, а потом возвращалась в свою квартирку в Лавапьесе и становилась ими — на бумаге. Когда книги выходили, на обложке были их лица, а в благодарностях, если повезёт, упоминалась и она: «мой замечательный редактор Худит».

No le importaba. Escribir para otros le pagaba el alquiler, y se le daba bien. El truco, decía siempre, era desaparecer del todo.

Её это не задевало. Работа «литературным призраком» оплачивала аренду, и у неё это хорошо получалось. Весь фокус, говорила она, в том, чтобы полностью исчезнуть.

Su duodécimo libro iba a ser el más importante. Paco Morales era el cocinero de la tele más querido de España; quizá no el de más talento, pero sí el más querido. Llevaba veinticinco años saliendo los sábados por la mañana en «Nevera vacía», alegre y colorado, cocinando platos sencillos para familias normales y corrientes. Y en cada programa, tarde o temprano, volvía a la misma historia.

Двенадцатая книга должна была стать самой важной её работой. Пако Моралес был самым любимым телеповаром Испании — возможно, не самым талантливым, но самым любимым. Двадцать пять лет он каждое субботнее утро выходил в эфир в передаче «Пустой холодильник», весёлый и румяный, и готовил простые блюда для самых обычных семей. И в каждой передаче рано или поздно возвращался к одной и той же истории.

—Cuando yo era un chiquillo, en Jaén —decía, removiendo algo en una olla—, no teníamos nada. La nevera vacía. Y mi madre, que en gloria esté, cogía una cebolla y dos patatas y te hacía un banquete. Eso es cocinar. Cariño y una cebolla.

—Когда я был мальчишкой, там, в Хаэне, — говорил он, помешивая что-то в кастрюле, — у нас ничего не было. Холодильник пустой. А мама, царствие ей небесное, брала луковицу и две картофелины и устраивала настоящий пир. Вот что такое готовить. Любовь и луковица.

La editorial ya había elegido el título: *Nevera vacía*, como el programa. Judit había cobrado la mitad de un adelanto muy generoso. La otra mitad llegaría con el manuscrito.

Издательство уже выбрало название: «Пустой холодильник», как у передачи. Худит получила половину очень щедрого аванса. Вторая половина должна была прийти вместе с рукописью.

* * *

Las entrevistas fueron bien. Paco era encantador, generoso, un narrador nato. Le habló del piso helado en invierno, de la bombona de butano que siempre se acababa a mitad de mes, de los famosos

andrajos que hacía su madre los domingos. Y cada vez se le escapaba alguna lagrimilla. Judit lo grababa todo, volvía a casa y se ponía a escribir, y la voz le salía sola.

Интервью или хорошо. Пако был обаятельным, щедрым, прирождённым рассказчиком. Он рассказывал ей о квартире, где зимой стоял лютый холод, о газовом баллоне, который вечно кончался к середине месяца, о знаменитых андрахос — тушёном блюде с кусочками теста, — которые мама готовила по воскресеньям. И всякий раз пускал слезу. Худит всё записывала, возвращалась домой и садилась писать, и голос приходил сам собой.

Hasta el tercer mes no notó nada raro. Y fue una tontería, en realidad. Paco había dicho que su colegio era «el más duro de todo Jaén», pero cuando Judit lo buscó, resultó que era un colegio religioso de pago, de los de uniforme, latín y misa los viernes. Lo comentó de pasada en la siguiente reunión, y Paco se rio y le dijo que se habría equivocado ella de colegio. Pero cambió de tema un pelín demasiado rápido.

Только на третий месяц ей впервые что-то показалось странным. Пустяк. Пако говорил, что его школа была «самой суровой во всём Хаэне», но когда Худит поискала, оказалось, что это платная религиозная школа — с формой, латынью и мессой по пятницам. Она мимоходом упомянула об этом на следующей встрече, и Пако рассмеялся и сказал, что она, наверное, перепутала школу. Но тему он сменил чуть-чуть слишком быстро.

Una buena escritora fantasma lo comprueba todo. Así que el fin de semana siguiente Judit cogió el tren a Jaén.

Хороший «призрак» проверяет всё. Поэтому в следующие выходные Худит села на поезд до Хаэна.

* * *

Conchi, la hermana mayor de Paco, vivía en un adosado muy cuidado a las afueras, con porche acristalado y un coche limpiísimo. Era farmacéutica jubilada, aguda y seca, y solo había aceptado hablar porque Judit le había dicho que quería «completar unos detalles de contexto».

Кончи, старшая сестра Пако, жила в очень ухоженном таунхаусе на окраине, с застеклённой верандой и до блеска вымытой машиной. Она была фармацевтом на пенсии, острой на язык и суховатой, и согласилась поговорить только потому, что Худит сказала, будто хочет «уточнить кое-какие детали биографии».

—¿Nevera vacía? —repitió Conchi, y se rio tanto que tuvo que dejar el café en la mesa—. Hija mía, nuestro padre era director de sucursal de una caja de ahorros. Nosotros teníamos la nevera llena. Y todos los veranos nos íbamos un mes entero a Almuñécar.

— Пустой холодильник? — переспросила Кончи и рассмеялась так, что пришлось поставить кофе на стол. — Деточка, наш отец был управляющим отделением сберегательной кассы. Холодильник у нас был полный. И каждое лето мы на целый месяц уезжали на море, в Альмуньекар.

—¿Y los andrajos de su madre?

— А мамины андрахос?

—Mamá no sabía ni freír un huevo. Una bellísima persona. Una cocinera malísima. A esa mujer se le quemaba hasta el agua. —A Conchi se le suavizó la cara—. No. Si quiere saber dónde aprendió Paquito a cocinar, fue en la casa de al lado. En casa de Fátima.

— Мама не умела даже яичницу пожарить. Чудесный человек. Ужасная кухарка. У неё и вода пригорала. — Лицо Кончи смягчилось. — Нет. Если хотите знать, где Паquito научился готовить, — у соседки. У Фатимы.

Fátima, según resultó, había llegado a Jaén desde Tetuán a finales de los años cincuenta. Era viuda, sin hijos, y tenía una cocina diminuta que siempre olía a comino, a hierbabuena y a cebolla frita. Desde los siete años, Paco se pasaba allí todas las tardes. Ella le enseñó a hacer harira, a sacar una sopa de casi nada y un pan que subía de verdad. Le dejaba quemar cosas, se reía de él y se lo hacía repetir todo.

Фатима, как выяснилось, приехала в Хаэн из Тетуана в конце пятидесятых. Детей у неё не было, муж умер, а на её крошечной кухне всегда пахло зирой, мятой и жареным луком. С семи лет Пако проводил там каждый день после школы. Она научила его варить хариру — марокканский суп, — делать похлёбку почти из ничего и печь хлеб, который как следует поднимался. Позволяла ему что-нибудь съесть, смеялась над ним и заставляла всё переделывать.

—La cebolla y las dos patatas —dijo Conchi—. Esa era ella. Había pasado por cosas que nosotros no podemos ni imaginar. Ella sí que había tenido la nevera vacía. *De verdad.*

—Луковица и две картофелины, — сказала Кончи. — Это всё она. Она пережила такое, что нам и не представить. Вот у неё холодильник действительно бывал пустым.

—¿Y por qué no la ha mencionado nunca?

— А почему он никогда о ней не упоминал?

Conchi se encogió de hombros.

Кончи пожала плечами.

—Hace años, a un productor de la tele se le ocurrió que la historia del niño pobre funcionaba mejor. Paquito le siguió el juego. Y luego ya era tarde para parar, ¿no? Cada año la historia crecía un poco más. —Miró a Judit por encima de las gafas—. Usted no ha venido solo a completar detalles, ¿verdad?

—Много лет назад какому-то телепродюсеру пришло в голову, что история про бедного мальчика лучше заходит. Паquito подыграл. А потом было уже поздно останавливаться, правда? С каждым годом история только разрасталась. — Она посмотрела на Худит поверх очков. — Вы ведь приехали не только детали уточнять, да?

* * *

En el tren de vuelta a Madrid, Judit no escribió ni una palabra. Iba mirando por la ventanilla los olivares a oscuras y dándole vueltas a qué hacer.

В поезде обратно в Мадрид Худит не написала ни слова. Она сидела, смотрела в окно на тёмные оливковые рощи и обдумывала варианты.

Podía escribir el libro exactamente como Paco quería. Nadie se iba a enterar. Conchi le había dicho que jamás hablaría con la prensa: «No voy a hundir a mi hermano por unos andrajos». Cobraría la otra mitad del adelanto, saldría por fin de los números rojos y a lo mejor hasta podría permitirse unas vacaciones. Las escritoras fantasma no tienen opinión. Es el oficio. Desaparecer del todo.

Можно было написать книгу ровно так, как хотел Пако. Никто бы не узнал. Кончи сказала, что никогда не станет говорить с прессой: «Не буду же я топить брата из-за какой-то похлёбки». Пришла бы вторая половина аванса, Худит наконец вылезла бы из минуса на счёте и, может быть, даже съездила бы в отпуск. У «призраков» нет своего мнения. Такая профессия. Полностью исчезнуть.

O podía negarse, dejarlo y perder el dinero, y la mentira la escribiría otro de todas formas.

Или можно было отказаться, уйти и потерять деньги — а ложь всё равно написал бы кто-то другой.

En algún momento, ya pasado Despeñaperros, se dio cuenta de que había una tercera opción. Era más arriesgada que las otras dos. Abrió el portátil y estuvo escribiendo hasta que el tren entró en Madrid.

Где-то после перевала Деспеньяперрос она поняла, что есть третий вариант. Рискованнее двух других. Она открыла ноутбук и писала, пока поезд не прибыл в Мадрид.

* * *

El lunes por la mañana fue a ver a Paco a su restaurante, antes de que abriera. Estaba solo en la cocina, picando cebolla; decía que le relajaba. Judit no le dijo nada de Jaén. Solo le tendió seis folios impresos.

В понедельник утром, до открытия, она пришла к Пако в ресторан. Он стоял на кухне один и резал лук — говорил, что это его успокаивает. Она ничего не сказала про Хаэн. Просто протянула ему шесть распечатанных страниц.

—Primer capítulo nuevo —le dijo—. Dime si he pillado tu voz.

—Новая первая глава, — сказала она. — Скажи, узнаёшь свой голос?

El capítulo empezaba así: La primera persona que me quitó el hambre de verdad no fue mi madre.

Глава начиналась так: Первой, кто по-настоящему меня накормил, была не мама.

Hablaba de un niño de siete años subido a una silla en una cocina diminuta, en la casa de al lado. De una mujer con mucho acento y manos fuertes, que lo había perdido casi todo y que le enseñó a un niño de buena familia que la comida no va de dinero, sino de atención. De comino y cebolla, de cosas quemadas y de volver a empezar. Judit lo había escrito con la voz de Paco, exactamente con su voz, con sus chistes, con su ritmo. Nunca había escrito nada mejor.

В ней говорилось о семилетнем мальчике, который стоит на стуле в крошечной соседской кухне. О женщине с сильным акцентом и сильными руками, которая потеряла почти всё и научила ребёнка из благополучной семьи, что еда — это не про деньги, а про внимание. О зире и луке, о пригоревшем и о том, как начинать заново. Худит написала это голосом Пако — именно его голосом, с его шутками и его ритмом. Ничего лучше она никогда не писала.

Paco leyó de pie, con el cuchillo todavía en la mano. Hacía la mitad, dejó el cuchillo. Cuando terminó, tardó mucho en levantar la vista.

Пако читал стоя, с ножом в руке. На середине он отложил нож. Дочитав, он долго не поднимал глаз.

—Has estado con Conchi —dijo al fin.

—Ты была у Кончи, — сказал он наконец.

—Sí.

—Да.

—Siempre he querido contarle bien. Todos los años me lo proponía. Y todos los años parecía que... —Negó con la cabeza—. A los productores les encantaba lo del niño pobre. Al público le encantaba. Y Fátima murió en el 98, así que... ¿a quién le hacía daño?

—Я всегда хотел рассказать всё как было. Каждый год собирался. И каждый год казалось, что... — Он покачал головой. — Продюсеры обожали историю про бедного мальчика. Зрители обожали. А Фатима умерла в девяносто восьмом, так что... кому от этого было плохо?

—A ella —dijo Judit en voz baja—. Si estás en esta cocina, es gracias a ella. Y nadie sabe su nombre.

—Ей, — тихо сказала Худит. — Это благодаря ей ты стоишь на этой кухне. А её имени никто не знает.

Paco se secó los ojos con el dorso de la mano, y esta vez, notó ella, no era para la cámara.

Пако вытер глаза тыльной стороной ладони, и на этот раз, заметила она, не для камеры.

—En la editorial les va a dar algo —dijo.

—В издательстве их удар хватит, — сказал он.

—Seguramente.

—Скорее всего.

—Ya han impreso los carteles.

—Они уже напечатали плакаты.

—Los carteles se vuelven a imprimir.

—Плакаты можно перепечатать.

Se quedó un buen rato mirando las páginas. Luego cogió el móvil, y Judit le oyó decir:

Он долго смотрел на страницы. Потом взял телефон, и Худит услышала:

—¿Belén? Soy Paco. Siéntate, anda. Tenemos que hablar del título.

—Белен? Это Пако. Сядь-ка. Нам нужно поговорить о названии.

** * **

El libro salió el otoño siguiente con un título nuevo: *La cocina de Fátima*. Algunos periódicos fueron duros con el cambio de versión; la mayoría, no. Vendió más que cualquier libro que Judit hubiera escrito nunca, y la siguiente temporada del programa se rodó en parte en Marruecos, en el pueblecito de montaña, cerca de Tetuán, donde había nacido Fátima.

Книга вышла следующей осенью под новым названием: «Кухня Фатимы». Некоторые газеты строго обошлись с новой версией, но большинство — нет. Книга разошлась лучше всех прежних книг Худит, а следующий сезон передачи частично снимали в Марокко, в горной деревне под Тетуаном, где родилась Фатима.

El nombre de Judit, por supuesto, no aparecía en la portada. Pero en la primera página, debajo de la dedicatoria, había dos líneas que ella leyó en la librería de la estación de Atocha, de pie, sin quitarse el abrigo.

Имени Худит на обложке, разумеется, не было. Но на первой странице, под посвящением, стояли две строчки, которые она прочитала в книжном магазине на вокзале Аточа — стоя, не снимая пальто.

Para Fátima, que me quitó el hambre.

Fátime, которая меня накормила.

Y para Judit, que me dejó contar la verdad.

И Худит, которая позволила мне рассказать правду.

Por primera vez en doce libros, la escritora fantasma no había desaparecido del todo. Descubrió que también podía vivir con eso.

Впервые за двенадцать книг «призрак» не исчез полностью. И оказалось, что с этим она тоже вполне может жить.

Palabras y expresiones / Слова и выражения

los agradecimientos — благодарности (в книге)

el adelanto — аванс (автору)

salirle a alguien solo — получаться само собой, без усилий

comentar algo de pasada — упомянуть что-л. мимоходом

cambiar de tema — сменить тему

el adosado — таунхаус, дом в ряду сблокированных домов

que en gloria esté — царствие ему/ей небесное

seguirle el juego a alguien — подыгрывать кому-л.

salir de los números rojos — выбраться из минуса (на счёте)

darle algo a alguien — (разг.) хватить удар, психануть

quitarle el hambre a alguien — накормить кого-л. досыта, утолить голод

no saber ni freír un huevo — (разг.) совсем не уметь готовить

DÍA 4

Oído en el café

Debo aclarar desde el principio que no suelo escuchar conversaciones ajenas. Eso no es del todo cierto. Di clases de Lingüística en la Universidad de Salamanca durante cuarenta y un años, los últimos veinte como catedrático, y escuchar conversaciones ajenas era, en cierto modo, mi oficio. Y las viejas costumbres cuesta mucho quitárselas.

Должен сразу оговориться: я не имею привычки подслушивать чужие разговоры. Это не совсем правда. Сорок один год я преподавал лингвистику в Саламанкском университете, последние двадцать — профессором, и слушать чужие разговоры было, в некотором смысле, моей профессией. А от старых привычек избавиться очень трудно.

Desde que murió mi mujer y me jubilé, me tomo el café de media mañana en un local pequeño llamado El Tintero, bajo los soportales de la Plaza Mayor. Me siento en la mesa de la ventana con un periódico que rara vez leo, y escucho. Estudiantes, turistas, padres agotados, dos hermanas mayores que llevan desde 2019 discutiendo sobre la receta familiar del hornazo. Para un hombre como yo, es mejor que la televisión.

С тех пор как умерла жена и я вышел на пенсию, ближе к полудню я пью кофе в маленьком заведении под названием «Чернильница», под аркадами Пласа-Майор. Я сижу за столиком у окна с газетой, которую редко читаю, и слушаю. Студенты, туристы, измотанные родители, две пожилые сестры, которые с 2019 года спорят о семейном рецепте орнасо — саламанкского пирога с колбасой и ветчиной. Для человека вроде меня это лучшие телевизоры.

El martes en cuestión, una pareja joven se sentó en la mesa de al lado. Ella tendría unos veinticinco años, el pelo corto y oscuro y una libreta llena de pósits de colores; él era algo mayor, largo y flaco, con la energía nerviosa de quien toma demasiado café. Pidieron dos cafés con leche y una porción de tarta de queso para compartir, y luego ella abrió la libreta y dijo con toda claridad:

В тот самый вторник за соседний столик села молодая пара. Ей было лет двадцать пять: короткая тёмная стрижка, блокнот, весь в цветных стикерах. Он — чуть старше, длинный и худой, с нервной энергией человека, который пьёт слишком много кофе. Они заказали два кофе с молоком и кусок чизкейка на двоих, а потом она открыла блокнот и совершенно отчётливо произнесла:

—A ver. Los metemos en la cámara acorazada, cerramos la puerta y tienen sesenta minutos.

—Значит, так. Заводим их в хранилище, запираем дверь, и у них шестьдесят минут.

Pasé una página del periódico.

Я перевернул страницу газеты.

* * *

Un lingüista no saca conclusiones precipitadas. Un lingüista recoge datos. «Cámara acorazada» podía significar muchas cosas: una bodega, una cripta, un banco. «Cerrar la puerta» era, lo reconozco, menos ambiguo. Agucé el oído.

Лингвист не делает поспешных выводов. Лингвист собирает данные. «Хранилище» могло означать что угодно — винный погреб, склеп, банк. С «запереть дверь», признаюсь, двусмысленности было меньше. Я наострил уши.

—¿Y si intentan salir antes? —preguntó el joven.

—А если они попробуют выйти раньше? —спросил молодой человек.

—No pueden. Sin el código, no. Y el código está escondido en los libros del profesor.

—Не смогут. Без кода — нет. А код спрятан в книгах профессора.

—¿Qué profesor?

— *Какого профессора?*

— *El profesor. El viejo. Necesitamos a alguien que dé el pego de verdad: pelo canoso, barba, gafas, americana de tweed. Alguien que les inspire confianza.*

— *Того самого профессора. Старика. Нам нужен кто-то, кто по-настоящему сойдёт за профессора: седые волосы, борода, очки, твидовый пиджак. Кто-то, кому они поверят.*

Yo tengo el pelo canoso, barba y gafas. En aquel preciso momento llevaba una americana de tweed. Bajé el periódico un centímetro.

У меня седые волосы, борода и очки. В тот самый момент на мне был твидовый пиджак. Я опустил газету на сантиметр.

* * *

Considere usted, si es tan amable, las pruebas tal y como se me presentaban. Una cámara acorazada. Una puerta cerrada con llave. Un límite de tiempo estricto. Un hombre mayor en quien hay que confiar y a quien, presumiblemente, se engaña. Subrayé mentalmente las construcciones modales. *Necesitamos a alguien. No pueden salir. Tienen sesenta minutos.* Había en su gramática una seguridad inquietante. Aquella gente no especulaba. Aquella gente planificaba.

Рассмотрите, будьте любезны, улики в том виде, в каком они мне представились. Хранилице. Запертая дверь. Жёсткий лимит времени. Пожилой человек, которому должны доверять — и которого, по всей видимости, обманывают. Мысленно я подчеркнул все модальные конструкции. Нам нужен кто-то. Они не смогут выйти. У них шестьдесят минут. В их грамматике звучала тревожная уверенность. Эти люди не гадали. Эти люди планировали.

— *¿Cuánto cobramos?* — preguntó el joven.

— *Сколько берём?* — спросил молодой человек.

— *Veinticinco por cabeza. Grupos de seis. Si los fines de semana hacemos cuatro pases al día...*
— *Hizo una cuenta rápida en la libreta.* — *Salen más de mil euros por fin de semana.*

— *Двадцать пять с человека. Группы по шесть. Если по выходным делать по четыре захода в день...* — *она быстро прикинула в блокноте, — выходит больше тысячи евро за выходные.*

«Pases», pensé. «Grupos». ¿Extorsión? ¿Una red organizada que encierra a turistas en un sótano y solo los suelta previo pago? Sonaba absurdo. Pero yo había leído los periódicos que no leo. Y en una ciudad donde miles de turistas se pasan la mañana buscando una rana en una fachada, se han visto cosas más raras.

«Заходы», — подумал я. «Группы». Вымогательство? Организованная банда, которая запирает туристов в подвале и выпускает только за деньги? Звучало абсурдно. Но я ведь читал газеты, которые не читаю. И в городе, где тысячи туристов всё утро ищут лягушку на фасаде, случались вещи и пострашее.

— *¿Y el piso del profesor?* — preguntó el joven —. *¿Cuándo podemos entrar?*

— *А квартира профессора?* — спросил молодой человек. — *Когда мы туда попадём?*

— *El jueves. El casero nos da las llaves. Tenemos que ser rápidos: sacar los muebles viejos, montar las estanterías falsas, esconder las pistas.*

— *В четверг. Хозяин отдаёт нам ключи. Надо действовать быстро: вынести старую мебель, соорудить фальшивые книжные полки, спрятать подсказки.*

«Pistas». Una palabra curiosa en boca de un delincuente: normalmente las deja, no las esconde. Tomé nota.

«Подсказки» — по-испански то же слово, что и «улики». Странно слышать его от преступника: обычно он улики оставляет, а не прячет. Я сделал пометку.

* * *

Voy a contar con sinceridad lo que pasó después, aunque no me enorgullezca. Un hombre sensato se habría terminado el café y se habría ido a casa. Un hombre valiente habría ido a la policía.

Yo no hice ni una cosa ni la otra. En lugar de eso, hice lo que cuarenta años de vida académica me habían enseñado: formulé una teoría y me enamoré perdidamente de ella.

Расскажу честно, что было дальше, хоть я этим и не горжусь. Разумный человек допил бы кофе и пошёл домой. Смелый человек пошёл бы в полицию. Я не сделал ни того ни другого. Вместо этого я сделал то, к чему меня приучили сорок лет академической жизни: выдвинул теорию и без памяти в неё влюбился.

La teoría era la siguiente: la pareja pensaba alquilar un piso, llenarlo de libros falsos, atraer allí a grupos de seis personas con la ayuda de un viejo profesor de aspecto respetable, encerrarlos en una cámara acorazada y cobrarles veinticinco euros a cada uno por salir. La joven era claramente el cerebro. El joven era el músculo, si es que se le podía llamar musculoso, que no se podía.

Теория была такая. Пара собирается снять квартиру, заполнить её ненастоящими книгами, с помощью почтенного на вид старого профессора заманивать туда группы по шесть человек, запирают их в хранилище и требовать с каждого по двадцать пять евро за выход. Девушка — явно мозг. Молодой человек — мускулы, если его можно было назвать мускулистым, а его было нельзя.

Era una teoría ridícula. Lo sabía ya mientras la iba armando. Pero llevaba tres años solo, y en ese tiempo no me había pasado gran cosa, y de pronto tenía un misterio sentado en la mesa de al lado, con tarta de queso.

Теория была нелепая. Я понимал это, уже пока её выстраивал. Но я три года жил один, и за это время со мной мало что происходило, а тут вдруг за соседним столиком оказалась загадка — да ещё с чизкейком.

Entonces la joven levantó la vista, directamente hacia mí, y le dijo a su acompañante en voz baja, aunque se la oía perfectamente:

И тут девушка подняла глаза прямо на меня и сказала спутнику вполголоса — но так, что было прекрасно слышно:

—No mires. El señor de la ventana. Ese sería perfecto.

—*Не оборачивайся. Мужчина у окна. Он был бы идеален.*

* * *

Hay momentos en la vida de un hombre en los que debe elegir entre la dignidad y la supervivencia. Elegí la dignidad. Doblé el periódico, me terminé el café, me levanté y di los dos pasos que me separaban de su mesa.

В жизни мужчины бывают моменты, когда приходится выбирать между достоинством и выживанием. Я выбрал достоинство. Сложил газету, допил кофе, встал и сделал два шага к их столику.

—Disculpen —dije—. Me temo que lo he oído todo.

—*Простите, — сказал я. — Боюсь, я всё слышал.*

Los dos se miraron. El joven se puso pálido. La joven, en cambio, sonrió: una sonrisa amplia, encantada, que no tenía nada que ver con la de una delincuente pillada in fraganti.

Они переглянулись. Молодой человек побледнел. А вот девушка улыбнулась — широкой, восторженной улыбкой, совсем не похожей на улыбку преступницы, пойманной с поличным.

—¡Ay, genial! —dijo—. Así no tenemos que preguntárselo. ¿Le apetecería?

—*Ой, отлично! — сказала она. — Тогда не придётся вас специально спрашивать. Хотите с нами?*

—¿Apetecirme —repetí— exactamente qué?

—*Хочу ли я, — повторил я, — чего именно?*

—Hacer de profesor. Es un *escape room*. —Vio mi cara—. Ya sabe, un juego. La gente paga para que la encierren en una habitación llena de enigmas, y tiene una hora para encontrar las pistas y descifrar el código. El nuestro se llama *El despacho del profesor*. Un viejo profesor chiflado ha escondido una fórmula secreta en su biblioteca, y los jugadores tienen que encontrarla antes de que

vuelva. En principio íbamos a usar una grabación de su voz, pero con una persona de verdad quedaría muchísimo mejor. Solo al principio. Cinco minutos, disfrazado, para meterlos en ambiente.

— *Сыграть профессора. Это квест-комната. — Она увидела моё лицо. — Ну, знаете, игра. Люди платят, чтобы их заперли в комнате, полной загадок, и у них есть час, чтобы найти подсказки и разгадать код. Наша называется «Кабинет профессора». Безумный старый профессор спрятал в своей библиотеке секретную формулу, и игрокам нужно найти её до его возвращения. Мы собирались просто поставить запись его голоса, но с живым человеком было бы гораздо лучше. Только в начале. Пять минут, в костюме, чтобы создать атмосферу.*

— *Disfrazado —dijo con un hilo de voz.*

— *В костюме, — еле слышно повторил я.*

— *Si ya va disfrazado —dijo el joven, al que le había vuelto el color a la cara.*

— *Так вы уже в костюме, — сказал молодой человек, к которому вернулся румянец.*

* * *

Ella se llamaba Irene y él, Pablo. Se habían conocido en la facultad, estudiando Filología Hispánica —cosa que me alegró oír—, y los dos habían decidido que preferían diseñar enigmas a escribir trabajos sobre ellos. Llevaban dos años ahorrando para aquello. La «cámara acorazada» era un trastero debajo de la escalera, pintado como la caja fuerte de un banco. Los «libros del profesor» eran trescientos libros de bolsillo de segunda mano, comprados al peso.

Её звали Ирене, его — Пабло. Они познакомились на факультете, где изучали испанскую филологию, — что мне было приятно услышать, — и оба решили, что лучше придумывать загадки, чем писать о них курсовые. Два года они на это копили. «Хранилищем» оказалась кладовка под лестницей, раскрашенная под банковский сейф. «Книгами профессора» — триста подержанных книжек в мягких обложках, купленных на вес.

Les expuse mi teoría. No me dejé nada: las construcciones modales, la palabra «pases», la palabra «pistas», mis sospechas sobre la falta de músculo del joven. Irene se rio tanto que vino la camarera a preguntar si todo iba bien. Pablo se lo tomó más a pecho.

Я изложил им свою теорию. Ничего не упустил — ни модальных конструкций, ни слова «заходы», ни слова «подсказки», ни подозрений насчёт отсутствующих мышц молодого человека. Ирене смеялась так, что официантка подошла спросить, всё ли в порядке. Пабло принял это ближе к сердцу.

— *En realidad, es una lección —dije, cuando ella se recuperó—. Me he pasado toda mi vida profesional explicando a mis alumnos que las palabras sin contexto no significan nada. «Encerradlos en la cámara acorazada» es un delito en una situación y un cumpleaños infantil en otra. Y aquí me tienen, veinte minutos sentado y olvidando todo lo que he enseñado.*

— *Вообще-то это урок, — сказал я, когда она отдышалась. — Всю жизнь я объяснял студентам, что слова без контекста ничего не значат. «Заприте их в хранилище» в одной ситуации — преступление, а в другой — детский день рождения. И вот я двадцать минут сижу здесь и забываю всё, чему когда-либо учил.*

— *Entonces, ¿eso es un sí? —preguntó Irene.*

— *Так это «да»? —спросила Ирене.*

Pensé en mi piso vacío. Pensé en el periódico que nunca leo.

Я подумал о своей пустой квартире. Подумал о газете, которую никогда не читаю.

— *Es un sí con condiciones —dije—. Tengo mis exigencias.*

— *Это «да» с оговорками, — сказал я. — У меня есть условия.*

— *Dispare.*

— *Выкладывайте.*

— *Quiero escribir mi propio texto. Y quiero una barba mejor. Esta es auténtica, y me dicen que le falta dramatismo.*

— Текст я напишу сам. И хочу бороду получше. Эта настоящая, а мне говорят, что ей не хватает драматизма.

* * *

Nuestro *escape room*, *El despacho del profesor*, abrió en marzo. Salgo los sábados y los domingos al principio de cada partida, cuatro veces al día, con un abrigo largo y una espléndida barba postiza que Irene encargó por internet. Con la voz que antes usaba para explicar el *Cantar de mio Cid*, informo a los jugadores de que tienen exactamente sesenta minutos antes de que yo vuelva, y luego cierro la puerta con llave.

Наша квест-комната «Кабинет профессора» открылась в марте. По субботам и воскресеньям я выхожу в начале каждой игры, четыре раза в день, в длинном пальто и с великолепной накладной бородой, которую Ирене заказала в интернете. Голосом, которым когда-то разбирал со студентами «Песнь о моём Сиде», я сообщаю игрокам, что у них ровно шестьдесят минут до моего возвращения, — и запираю дверь на ключ.

Algunos son antiguos alumnos míos. Siempre se quedan encantados y un poco asustados. Reconozco que eso me divierte más de lo que probablemente debería.

Некоторые из них — мои бывшие студенты. Они всегда в восторге и немного напуганы. Признаюсь, мне это нравится больше, чем, наверное, следовало бы.

Y entre semana sigo sentándome por las mañanas junto a la ventana de El Tintero a escuchar. Pero ahora tengo más cuidado con las historias que me monto. El contexto, como siempre les decía a mis alumnos de primero, lo es todo. Han hecho falta dos veinteañeros y una porción de tarta de queso para recordármelo.

A по будням я по-прежнему сижу по утрам у окна «Чернильницы» и слушаю. Только теперь я осторожнее с историями, которые сам себе сочиняю. Контекст, как я всегда говорил первокурсникам, — это всё. Понадобились двое молодых людей и кусок чизкейка, чтобы мне об этом напомнить.

Palabras y expresiones / Слова и выражения

quitarse una costumbre — избавиться от привычки

jubilarse — выйти на пенсию

sacar conclusiones precipitadas — делать поспешные выводы

aguzar el oído — наострить уши, прислушаться

dar el pego — (разг.) выглядеть правдоподобно, сойти за настоящее

la cámara acorazada — сейфовое хранилище (в банке)

previo pago — после оплаты, за плату

tomar nota — сделать пометку, взять на заметку

pillar a alguien in fraganti — поймать кого-л. с поличным

con un hilo de voz — еле слышно, слабым голосом

tomarse algo a pecho — принять что-л. близко к сердцу

¡Dispare! — (разг.) Выкладывайте! Говорите!

DÍA 5

Una estrella

La primera reseña apareció un miércoles de febrero, por la mañana, y Marco Bellini la leyó de pie en la cocina de su restaurante de Granada, todavía con el abrigo puesto.

Первый отзыв появился февральским утром, в среду, и Марко Беллини прочитал его стоя на кухне своего ресторана в Гранаде, ещё не сняв пальто.

★☆☆☆☆ – Carmen_B

— Carmen_B

El minestrone llegó a la temperatura de una tarde templada de primavera. El pan era de ayer, posiblemente de anteayer.

Минестроне подали той температуры, какая бывает тёплым весенним днём. Хлеб был вчерашний, а возможно, и позавчерашний.

El camarero fue encantador y no me miró ni una sola vez. Una estrella por las vistas a la Alhambra, que no son mérito del restaurante.

Официант был очарователен и ни разу на меня не взглянул. Одна звезда — за вид на Альгамбру, что не заслуга ресторана.

Marco la leyó dos veces. Luego se quitó el abrigo, fue a la panera, cogió un panecillo y lo apretó con el pulgar. Era, tuvo que reconocerlo, de ayer.

Марко прочитал его дважды. Потом снял пальто, подошёл к хлебной корзине, взял булочку и надавил на неё большим пальцем. Булочка, пришлось признать, была вчерашняя.

* * *

Nonna Lucia llevaba seis años abierto. Marco le había puesto el nombre de su abuela, que había cocinado en un pueblo cerca de Nápoles hasta los noventa años y que estaba convencidísima de que echarle nata a la carbonara era un pecado que debería castigarse con la muerte. El restaurante iba bien. Tenía buenas reseñas, una clientela fiel y, en la Carrera del Darro, una mesa junto a la ventana desde la que se veían las murallas rojizas de la Alhambra. Marco estaba orgulloso de él. Quizá, pensaría más tarde, demasiado orgulloso.

«Нонне Лючии» было шесть лет. Марко назвал ресторан в честь бабушки, которая готовила в деревне под Неаполем до девяноста лет и была свято убеждена, что сливки в карбонаре — грех, достойный смертной казни. Дела шли хорошо: хорошие отзывы, верные постоянные клиенты и — на улице Каррера-дель-Дарро — столик у окна, откуда были видны красноватые стены Альгамбры. Марко гордился рестораном. Может быть, подумает он потом, слишком гордился.

La segunda reseña llegó el miércoles siguiente.

Второй отзыв появился в следующую среду.

★☆☆☆☆ – Carmen_B

— Carmen_B

El tiramisú tenía la consistencia de una esponja de baño mojada y la personalidad de una declaración de la renta.

Тирамису по консистенции напоминало мокрую банную губку, а по обаянию — налоговую декларацию.

Me dijeron que era «casero». Me encantaría conocer la casa.

Мне сказали, что оно «домашнее». Хотелось бы познакомиться с этим домом.

Y la tercera, una semana después.

И третий — ещё через неделю.

★☆☆☆☆ – Carmen_B

— Carmen_B

El risotto era correcto. La corrección se le exige a un inspector de Hacienda. A un risotto se le exige amor.

Ризотто было корректным. Корректности ждём от налогового инспектора. От ризотто ждём любви.

* * *

El personal estaba indignado. Inma, la jefa de sala, quería denunciar la cuenta en la plataforma. Toni, el cocinero joven, quería averiguar dónde vivía Carmen_B para, según sus palabras, «ir a tener una charlita con ella». Marco dijo que no a las dos cosas. En lugar de eso, como propietario, escribió una respuesta debajo de cada reseña: educada, profesional, de esas que te enseñan en los cursos para hosteleros. *Estimada Carmen: muchas gracias por sus valiosos comentarios. Lamentamos que su visita no haya estado a la altura de sus expectativas. Esperamos tener el placer de recibirla de nuevo muy pronto.*

Персонал был в ярости. Инма, администратор зала, хотела пожаловаться на аккаунт в службу поддержки сайта. Тони, молодой повар, хотел выяснить, где живёт Carmen_B, чтобы, по его выражению, «сходить с ней потолковать». Марко запретил и то и другое. Вместо этого он как владелец написал ответ под каждым отзывом — вежливый, профессиональный, такой, каким учат на курсах для рестораторов. Уважаемая Кармен! Большое спасибо за ваш ценный отзыв. Нам жаль, что ваш визит не оправдал ваших ожиданий. Надеемся вскоре снова иметь удовольствие принимать вас у нас.

A la semana siguiente llegó una cuarta reseña. Debajo, Carmen_B había añadido una breve respuesta a la respuesta de él.

Через неделю пришёл четвёртый отзыв. Под ним Carmen_B добавила короткий ответ на его ответ.

Estimado señor Bellini: sus respuestas son como su risotto, correctas en cada detalle y completamente sosas. Vuelvo el martes.

Уважаемый сеньор Беллини, ваши ответы похожи на ваше ризотто: безупречны в каждой детали и совершенно пресны. Я вернусь во вторник.

Marco soltó una carcajada, solo en su despacho, por primera vez en un mes. No fue una risa agradable, pero sí sincera. Fuera quien fuera Carmen_B, escribir sabía.

Марко громко рассмеялся, один в своём кабинете, впервые за месяц. Смех был не то чтобы приятный, но настоящий. Кем бы ни была эта Carmen_B, писать она умела.

* * *

Repasó el libro de reservas. Las reseñas salían siempre los miércoles, así que debía de comer los martes. No había nada a nombre de «Carmen», ni siquiera con B. O sea, que venía sin reservar. Le preguntó a Inma por las comidas de los martes.

Он просмотрел систему бронирования. Отзывы появлялись всегда по средам — значит, обедала она по вторникам. Броней на имя «Кармен» или хоть на что-нибудь с «Б» не было. Значит, приходила без брони. Он спросил Инму про вторничные обеды.

Inma se quedó pensando un momento.

Инма на минуту задумалась.

—Hay una señora mayor —dijo despacio—. Viene sola. Se sienta siempre en la mesita de al lado de la puerta de la cocina, nunca en la ventana. Llega a la una y media, cuando aquí solo comen los guiris. Pide sopa, luego algo más, luego postre. Tarda unas dos horas. Paga en efectivo. —Fruunció el ceño—. Mira, Marco, es que nosotros... bueno, ella va muy despacio, no pide mucho, y los martes, a partir de las dos, esto se llena con la gente de los juzgados de Plaza Nueva. No le hacemos mucho caso, la verdad.

— *Есть одна пожилая сеньора, — медленно сказала она. — Приходит одна. Всегда садится за маленький столик у двери на кухню, никогда — у окна. Приходит в половине второго, когда у нас обедают одни туристы. Заказывает суп, потом что-нибудь ещё, потом десерт. Сидит часа два. Платит наличными. — Она нахмурилась. — Честно говоря, Марко, мы... ну, она всё делает так медленно, заказывает немного, а по вторникам с двух часов у нас битком — обедают сотрудники суда с Пласа-Нуэва. Мы на неё особо и не обращаем внимания.*

Le vinieron a la cabeza aquellas palabras —el camarero fue encantador y no me miró ni una sola vez—, y Marco sintió que algo desagradable se le movía en el pecho.

Ему вспомнились слова — официант был очарователен и ни разу на меня не взглянул, — и Марко почувствовал, как в груди шевельнулось что-то неприятное.

* * *

El martes no se quedó en la cocina. A la una y media entró, huyendo de la lluvia, una mujer menuda y muy derecha de unos ochenta años, cerró un paraguas de cuadros con enorme precisión y se sentó en la mesita junto a la puerta de la cocina. Tenía el pelo blanco cortado muy corto, un pañuelo de seda y los ojos claros y penetrantes de un pájaro que lo ha visto todo y al que ya casi nada impresiona.

Во вторник он не остался на кухне. В половине второго, спасаясь от дождя, вошла миниатюрная, очень прямая женщина лет восьмидесяти, аккуратнонейшим образом сложила клетчатый зонт и села за маленький столик у кухонной двери. У неё были очень коротко стриженные белые волосы, шелковый платок и острые светлые глаза птицы, которая видела всё и которую уже почти ничем не удивить.

Marco le llevó la sopa él mismo. También la había hecho él mismo, a las seis de la mañana, con la receta de su abuela, y la había probado nueve veces.

Марко сам принёс ей суп. И сам же его сварил — в шесть утра, по бабушкиному рецепту, — и попробовал девять раз.

—Minestrone —dijo, dejando el plato en la mesa—. Esta vez caliente. Y el pan ha salido del horno hace veinte minutos.

— Минестроне, — сказал он, ставя тарелку. — На этот раз горячий. А хлеб вынули из печи двадцать минут назад.

Ella miró la sopa. Luego levantó la vista hacia él y lo miró un buen rato, y se le movió levísimamente la comisura de los labios.

Она посмотрела на суп. Потом подняла глаза и долго смотрела на него, и уголок её рта едва заметно дрогнул.

—Señor Bellini —dijo—. Me ha pillado.

— Сеньор Беллини, — сказала она. — Вы меня раскусили.

—¿Puedo sentarme?

— Можно присесть?

—El restaurante es suyo.

— Ресторан ваш.

* * *

Se llamaba Carmen Bustos. Hacía cuarenta años, le contó, había sido crítica gastronómica en un gran periódico nacional, «cuando a los críticos todavía se les tenía miedo, señor Bellini, en lugar de seguirlos en las redes». Había comido en todas las grandes cocinas de Europa. Había hecho llorar a cocineros, y una vez, en Lyon, un cocinero la había hecho llorar a ella, con un pollo tan perfecto que todavía soñaba con él.

Её звали Кармен Бустос. Сорок лет назад, рассказала она, она была ресторанным критиком в крупной общенациональной газете — «когда критиков ещё боялись, сеньор Беллини, а не подписывались на них в соцсетях». Она обедала у всех великих поваров Европы. Она дово-

дила поваров до слёз, а однажды, в Лионе, повар довёл до слёз её — курицей настолько совершенной, что она до сих пор видит её во сне.

Su marido, Ricardo, la había acompañado a todas partes. Había muerto hacía cuatro años. Desde entonces, dijo con la misma voz seca, había aprendido algo sobre lo que es ser una mujer mayor que come sola.

Муж, Рикардо, всюду ездил с ней. Он умер четыре года назад. С тех пор, сказала она тем же сухим голосом, она кое-что узнала о том, каково пожилой женщине обедать в одиночестве.

—Te vuelves invisible. No por maldad. Nadie lo hace queriendo. Te sientan junto a la puerta de la cocina, te traen la comida y se olvidan de que estás ahí. Es un poco como ser un mueble. —Probó la sopa, despacio, examinándola—. Así que volví a escribir críticas. ¿Y sabe una cosa, señor Bellini? Es usted la primera persona en cuatro años que me ha contestado. Aunque haya sido —añadió— con esa jerga espantosa de cursillo.

—Становишься невидимой. Не со зла. Никто не делает этого нарочно. Тебя сажают у кухонной двери, приносят еду и забывают, что ты здесь. Ты вроде как мебель. — Она попробовала суп — медленно, оценивающе. — Вот я и снова начала писать рецензии. И знаете что, сеньор Беллини? Вы первый человек за четыре года, который мне ответил. Пусть даже, — добавила она, — этим жутким языком с курсов повышения квалификации.

—El tiramisú —dijo Marco—. ¿De verdad era tan malo?

—Тирамису, — сказал Марко. — Оно правда было так плохо?

—Peor. Fui benévola.

—Хуже. Я вас ещё пожалела.

Él se echó a reír. Ella no, pero se le rieron los ojos.

Он рассмеялся. Она — нет, но глаза у неё смеялись.

—La sopa —dijo, dejando la cuchara— está muy buena. ¿Es de su abuela?

—Суп, — сказала она, кладя ложку, — очень хорош. Бабушкин?

—¿Cómo lo sabe?

—Откуда вы знаете?

—Porque sabe como si alguien la hubiera cuidado. Cosa que, lamento decirlo, no puede decirse del risotto.

—Потому что на вкус он такой, будто о нём кто-то заботился. Чего, к сожалению, не скажешь о ризотто.

* * *

Estuvieron hablando hasta las cinco y media, mucho después de que se marchara la gente de los juzgados. Antes de que ella se fuera, Marco le hizo una pregunta que llevaba toda la tarde rumiando. En primavera quería cambiar la carta. ¿Estaría dispuesta —sabía que era una petición extraña— a venir antes, probarlo todo y decirle la verdad?

Они проговорили до половины шестого, когда сотрудники суда давно разошлись. Когда она уже собиралась уходить, Марко задал вопрос, который обдумывал всё это время. Весной он собирался менять меню. Не согласится ли она — он понимал, что просьба странная, — прийти заранее, всё попробовать и сказать ему правду?

Carmen Bustos abrió el paraguas con la misma precisión con la que lo había cerrado.

Кармен Бустос раскрыла зонт так же аккуратно, как перед этим сложила.

—Vendré con una condición —dijo—. Que no sea junto a la puerta de la cocina.

—Приду при одном условии, — сказала она. — Только не у кухонной двери.

* * *

Ahora, todos los martes, en la mesa de la ventana —la de las vistas a la Alhambra— hay un cartelito que dice *Reservado*. Carmen llega a la una y media. Marco cocina para ella, luego se sienta

con ella a tomar un café, y ella le dice sin piedad todo lo que falla en sus platos. La mitad de la nueva carta de primavera fue idea suya. El tiramisú, Marco lo reinventó desde cero.

Теперь каждый вторник на столике у окна — том самом, с видом на Альгамбру, — стоит табличка «Зарезервировано». Кармен приходит в половине второго. Марко сам готовит для неё, потом садится с ней выпить кофе, и она безжалостно перечисляет всё, что не так с его едой. Половина нового весеннего меню — её идеи. Тирамису он придумал заново, с нуля.

En mayo apareció una reseña nueva en la plataforma. Inma la imprimió y la pegó en la pared de la cocina, al lado de una foto de *nonna* Lucia.

В мае на сайте появился новый отзыв. Инма распечатала его и приклеила на стену кухни рядом с фотографией нонны Люции.

★★★★☆ – Carmen_B

— Carmen_B

Cuatro estrellas. Cinco no las doy nunca. Las cinco estrellas están reservadas a Dios y al arroz con setas de mi difunto marido, y el señor Bellini se acerca peligrosamente a lo segundo.

Четыре звезды. Пять я не ставлю никогда. Пять звёзд зарезервированы за Господом Богом и за рисом с грибами моего покойного мужа, и сеньор Беллини опасно приближается ко второму.

El camarero me ha mirado. Varias veces.

Официант на меня смотрел. Несколько раз.

Palabras y expresiones / Слова и выражения

la reseña — отзыв, рецензия

ser mérito de alguien — быть чьей-л. заслугой

la clientela fiel — постоянные клиенты

estar a la altura de las expectativas — оправдать ожидания

denunciar — пожаловаться, сообщить о нарушении

no hacerle mucho caso a alguien — не обращать на кого-л. особого внимания

fruncir el ceño — нахмуриться

pillar a alguien — (разг.) поймать, раскусить кого-л.

no por maldad — не со зла

rumiar algo — обдумывать, «пережёвывать» что-л.

sin piedad — безжалостно

estar reservado a alguien — быть зарезервированным за кем-л.

DÍA 6

Espere, por favor

«Bienvenido a Energía Peninsular. Su llamada es muy importante para nosotros. En este momento ocupa usted la posición... catorce... en la cola de espera. Por favor, no cuelgue».

«Добро пожаловать в „Энерхию Пенинсулар“. Ваш звонок очень важен для нас. В данный момент вы... четырнадцатый... в очереди. Пожалуйста, не кладите трубку».

Luego empezó la música. Era Vivaldi: los treinta primeros segundos de *La primavera*, tocados en algo que sonaba a teclado de juguete, una y otra vez, por los siglos de los siglos.

Потом заиграла музыка. Вивальди — первые тридцать секунд «Весны», сыгранные на чём-то вроде игрушечного синтезатора, снова и снова, во веки веков.

Álvaro Sancho puso el manos libres, dejó el móvil en la mesa de la cocina de su piso de Delicias, en Zaragoza, y miró la carta que tenía al lado. Según ella, le debía a Energía Peninsular tres mil ciento doce euros por un solo mes de luz. Álvaro vivía solo en un piso de dos habitaciones. Tenía un portátil, un hervidor de agua y una nevera casi siempre vacía. A no ser que la nevera estuviera minando bitcoins a escondidas, aquello tenía que ser un error.

Альваро Санчо включил громкую связь, положил телефон на кухонный стол в своей квартире в Делисиасе, районе Сарагосы, и посмотрел на лежащее рядом письмо. Если верить письму, он был должен «Энерхии Пенинсулар» три тысячи сто двенадцать евро за один-единственный месяц электричества. Альваро жил один в двухкомнатной квартире. У него были ноутбук, электрический чайник и холодильник, почти всегда пустой. Если только холодильник тайком не майнил биткоины, тут явно была ошибка.

Se había cogido el día libre para esa llamada. Se había preparado un té. Estaba listo.

Ради этого звонка он взял выходной. Заварил себе чай. Он был готов.

* * *

A las 10:43, después de cuarenta minutos de Vivaldi, la música se cortó con un clic. Se oyó un chisporroteo. Y luego una voz —no grabada, sino de verdad, de hombre mayor y con un acento gallego cerrado como él solo— dijo:

В 10:43, после сорока минут Вивальди, музыка оборвалась со щелчком. В трубке затрепещало. А потом голос — не записанный, а настоящий, голос пожилого мужчины с густым галисийским выговором — сказал:

—¿Hola? ¿Hola? ¿Hay alguien ahí, home?

—Алло? Алло? Есть тут кто живой?

Álvaro cogió el móvil.

Альваро схватил телефон.

—¡Sí! ¡Hola! Sí, soy una persona. ¿Es Energía Peninsular?

—Да! Алло! Да, я человек. Это «Энерхия Пенинсулар»?

—Dios me libre. Eso mismo le iba a preguntar yo. —Una pausa—. Estoy esperando a que me atienda esta gente. Dos horas y diez minutos llevo. Y de repente se corta la música y sale usted.

—*Боже упаси. Я как раз хотел спросить вас о том же. — Пауза. — Я жду, когда они соизволят ответить. Два часа десять минут. И вдруг музыка кончается — и тут вы.*

—Yo también estoy esperando. Llevo cuarenta minutos.

—*Я тоже жду. Сорок минут.*

—Cuarenta minutos —dijo la voz, con algo parecido a la compasión—. Pues entonces es usted un pipiolo.

— Сорок минут, — сказал голос с чем-то похожим на жалость. — Да вы ещё совсем зелёный.

Después de un buen rato hechos un lío, dedujeron que sus dos llamadas se habían cruzado en algún punto de la centralita de Energía Peninsular. Ninguno de los dos estaba dispuesto a colgar y perder su sitio en la cola. Así que siguieron en línea.

Порядком запутавшись, они в конце концов сообразили, что их звонки где-то пересеклись внутри телефонной системы «Энергии Пенинсулар». Ни один не готов был положить трубку и потерять своё место в очереди. Так что оба остались на линии.

— Ramón —dijo la voz—. Ramón Iglesias. De Vigo.

— Рамон, — сказал голос. — Рамон Иглесиас. Из Виго.

— Álvaro. De Zaragoza.

— Альваро. Из Сарагосы.

— Pues encantado, Álvaro de Zaragoza. ¿Qué le han hecho a usted?

— Очень приятно, Альваро из Сарагосы. А вам они чем насолили?

* * *

Álvaro le explicó lo de los tres mil euros. Ramón soltó un silbido.

Альваро объяснил историю с тремя тысячами евро. Рамон присвистнул.

— Eso son muchos cafés con leche.

— Это ж сколько чашек кофе.

— ¿Y usted?

— А у вас что?

En la línea se hizo un silencio, más largo que los anteriores.

На линии повисла пауза, длиннее прежних.

— El contrato está a nombre de mi mujer. Carmina. Carmen Outeiral. Murió en marzo. Les he escrito cuatro veces para que hagan el cambio de titular, y cada mes vuelve a llegar una carta a su nombre. «Estimada señora Outeiral, es un placer contar con usted como clienta». Y cada vez que llamo me dicen que solo pueden hablar con la titular del contrato. — Soltó una risa corta, sin pizca de gracia—. Y yo les digo: pues entonces van a necesitar un cable muy largo.

— Договор оформлен на мою жену. Карминья. Кармен Оутейраль. Она умерла в марте. Я им четыре раза писал, чтобы переоформили договор на меня, а каждый месяц опять приходит письмо на её имя. «Уважаемая сеньора Оутейраль, мы рады, что вы с нами». И каждый раз, когда я звоню, мне говорят, что могут разговаривать только с владелицей договора. — Он коротко рассмеялся, безо всякого веселья. — А я им говорю: тогда вам понадобится очень длинный провод.

— Lo siento mucho —dijo Álvaro, y lo decía de verdad.

— Мне очень жаль, — сказал Альваро, и сказал это искренне.

— Ya. Bueno.

— Да. Ну что ж.

— ¿Cómo la conoció? —preguntó Álvaro, y enseguida dudó de si había hecho bien en preguntar.

— Как вы с ней познакомились? — спросил Альваро и тут же засомневался, стоило ли спрашивать.

Pero a Ramón se le notó que agradecía la pregunta.

Но Рамон, похоже, обрадовался вопросу.

— En una verbena en Cangas, en el sesenta y seis. En el primer minuto le pisé el pie dos veces. Y me dice: «Como me pises una tercera vez, me caso contigo, así que ten cuidadito». — Se rio, esta vez de verdad—. La pisé una tercera vez. A propósito.

— На летнем гулянье в Кангасе, в шестьдесят шестом. В первую же минуту я два раза наступил ей на ногу. А она мне: «Наступишь в третий раз — выйду за тебя замуж, так что

смотри у меня». — Он засмеялся, на этот раз по-настоящему. — Я наступил в третий раз. Нарочно.

* * *

A las 11:30 seguían esperando. La conversación iba de un tema a otro, como pasa con las conversaciones que no tienen prisa por llegar a ninguna parte.

В 11:30 они всё ещё ждали. Разговор перескакивал с одного на другое, как это бывает с разговорами, которым некуда спешить.

—¿Y usted a qué se dedica, Álvaro? Cuando no está colgado del teléfono.

— *А вы чем занимаетесь, Альваро? Когда не висите на телефоне.*

—Soy programador. O lo era. Ahora estoy... entre una cosa y otra.

— *Я программист. Или был. Сейчас я как бы... между делами.*

—Entre una cosa y otra.

— *Между делами.*

Álvaro no se lo había contado a nadie. Ni a sus padres ni a sus amigos. No sabía muy bien por qué se lo estaba contando a un desconocido de Vigo. Quizá precisamente porque era un desconocido de Vigo.

Альваро ещё никому об этом не рассказывал. Ни родителям, ни друзьям. Он и сам толком не знал, почему рассказывает незнакомцу из Виго. Может, именно потому, что это был незнакомец из Виго.

—Dejé el trabajo hace tres semanas. Me fui sin más. Trabajaba sesenta horas a la semana, ya no dormía, y una mañana me quedé sentado en el aparcamiento y no fui capaz de entrar. Así que no entré. Mis padres no lo saben. Creen que hoy me he cogido el día libre. Ahora me cojo el día libre todos los días.

— *Я уволился три недели назад. Просто ушёл. Работал по шестьдесят часов в неделю, перестал спать, и однажды утром сидел на парковке и не смог заставить себя войти. Ну и не вошёл. Родители не знают. Думают, я сегодня взял выходной. Я теперь каждый день беру выходной.*

Ramón se quedó callado un momento.

Рамон помолчал.

—Yo fui radiotelegrafista en la marina mercante —dijo—. Treinta y un años. ¿Sabe en qué consistía sobre todo el trabajo? En esperar. Estar sentado delante de la radio, en mitad del mar, esperando a que pasara algo. Los chavales no lo aguantaban. Querían *hacer* algo. Y yo siempre les decía: la paciencia es un músculo. Al principio duele. Luego se pone fuerte.

— *Я был радистом в торговом флоте, — сказал он. — Тридцать один год. Знаете, в чём в основном состояла работа? Ждать. Сидеть у радики посреди моря и ждать, пока что-нибудь случится. Молодые ребята этого не выдерживали. Им хотелось что-то делать. А я им всегда говорил: терпение — это мышца. Сначала больно. Потом она крепнет.*

—Creo que no se me da muy bien esperar.

— *Мне кажется, я не очень-то умею ждать.*

—Lleva usted hora y media en espera, rapaz. Se le da mejor de lo que cree.

— *Вы полтора часа висите на линии, парень. У вас получается лучше, чем вы думаете.*

* * *

A las 12:15, Ramón le enseñó a Álvaro la letra de una canción que su mujer cantaba siempre y que trataba, sobre todo, de una moza de Baiona y de un marinero que era un desastre en lo suyo. A las 12:40, Álvaro le explicó a Ramón qué era una aplicación, y Ramón dijo que seguía sin verle la utilidad. A las 13:05 descubrieron que los dos, en años distintos, se habían alojado en el mismo hotel espantoso de Benidorm, y pasaron veinte minutos felices describiendo la moqueta.

В 12:15 Рамон научил Альваро словам песни, которую всегда пела его жена, — в основном про девушку из Байоны и моряка, который совсем не знал своего дела. В 12:40 Альваро объяс-

нил Рамону, что такое приложение, и Рамон сказал, что всё равно не понимает, зачем оно нужно. В 13:05 они обнаружили, что оба, в разные годы, останавливались в одной и той же ужасной гостинице в Бенидорме, и провели двадцать счастливых минут, описывая тамошний ковролин.

—¿Le puedo preguntar una cosa? —dijo Álvaro—. ¿Por qué no se ha... rendido sin más? ¿Por qué no deja que sigan mandándole cartas a Carmiña?

—Можно вас спросить? —сказал Альваро. —Почему вы просто не... махнули рукой? Пусть бы и дальше слали письма Карминье?

—Porque cada carta que llega con su nombre —dijo Ramón— la abro y pienso, solo durante un segundo, que es para ella. Y luego me acuerdo. —Carraspeó—. Quiero que eso se acabe. Nada más. Quiero que las cartas me lleguen a mí.

—Потому что каждое письмо с её именем, —сказал Рамон, — я открываю и думаю, всего на секунду, что оно для неё. А потом вспоминаю. —Он откашлялся. —Я хочу, чтобы это прекратилось. Вот и всё. Хочу, чтобы письма приходили мне.

* * *

A las 13:52, la música volvió a pararse y una tercera voz entró en la línea: joven, femenina, cansada.

В 13:52 музыка снова прекратилась, и на линии появился третий голос — молодой, женский, усталый.

—Gracias por su paciencia, le atiende Noelia Gutiérrez, de Energía Peninsular. ¿Me podría facilitar su número de cliente, por favor?

—Спасибо за ожидание, с вами говорит Ноэлия Гутьеррес, «Энергия Пенинсулар». Назовите, пожалуйста, ваш номер клиента.

—¿El de quién? —preguntaron Álvaro y Ramón a la vez.

—А чей? —хором спросили Альваро и Рамон.

Hubo un largo silencio.

Повисло долгое молчание.

—Perdonen —dijo Noelia—. ¿Son ustedes... dos?

—Простите, —сказала Ноэлия. —Вас что... двое?

Se lo explicaron. Noelia escuchó. Dijo que algo así no había pasado nunca, que el sistema llevaba «toda la semana haciendo cosas raras» y que, en teoría, tenía que cortar la llamada y pedirles que volvieran a llamar cada uno por separado.

Они объяснили. Ноэлия выслушала. Она сказала, что такого ещё никогда не случилось, что система «всю неделю чудит» и что по правилам она должна прервать звонок и попросить каждого перезвонить отдельно.

—Con todo el respeto, Noelia —dijo Álvaro, y le sorprendió lo tranquila que sonaba su voz—, este señor lleva cinco horas y veinte minutos esperando. Su mujer murió en marzo. Les ha escrito cuatro veces. Cada mes le mandan una carta a una mujer que ya no vive, y cada mes él tiene que abrirla. Yo no cuelgo, y él tampoco, hasta que esto se arregle. Mi factura puede esperar.

—При всём уважении, Ноэлия, —сказал Альваро и сам удивился, как спокойно звучит его голос, — этот сеньор ждёт пять часов двадцать минут. Его жена умерла в марте. Он писал вам четыре раза. Каждый месяц вы отправляете письмо женщине, которой больше нет в живых, и каждый месяц ему приходится его открывать. Ни я, ни он не положим трубку, пока вы это не уладите. Мой счёт подождёт.

Otra vez silencio. Cuando Noelia volvió a hablar, su voz había cambiado. Era más baja y más humana.

Снова тишина. Когда Ноэлия заговорила, её голос изменился. Он стал тише и человечнее.

—¿Don Ramón? Dígame su DNI y el de su mujer. Esto lo arreglamos ahora mismo.

— Дон Рамон? Продиктуйте номер вашего паспорта и паспорта жены. Сейчас мы всё уладим.

Tardaron once minutos. Cuando terminaron, a Ramón le temblaba un poco la voz. Después, Noelia abrió la cuenta de Álvaro y en unos treinta segundos descubrió que alguien, al introducir la lectura del contador, había puesto dos ceros de más. En realidad debía treinta y un euros con doce céntimos. La factura corregida le llegaría por correo electrónico.

Это заняло одиннадцать минут. Когда всё было сделано, голос Рамона слегка дрожал. Потом Ноэлия открыла счёт Альваро и примерно за тридцать секунд обнаружила, что кто-то при вводе показаний счётчика добавил два лишних нуля. На самом деле он был должен тридцать один евро двенадцать центов. Исправленный счёт ему пришлёт по электронной почте.

—¿Puedo ayudarles en algo más? —preguntó Noelia.

—Могу я ещё чем-нибудь вам помочь? —спросила Ноэлия.

—No —dijo Álvaro—. Ha sido usted fantástica. Gracias.

—Нет, —сказал Альваро. —Вы были великолепны. Спасибо.

—Gracias a ustedes —dijo Noelia—. De verdad. He tenido una semana horrible. Esta ha sido la conversación más bonita que he tenido en meses. —Dudó un momento—. ¿Quieren que deje la línea abierta un minuto más? ¿Para que se puedan despedir?

—Это вам спасибо, —сказала Ноэлия. —Правда. У меня была ужасная неделя. Это был самый приятный разговор за последние месяцы. —Она помедлила. —Хотите, я оставлю линию открытой ещё на минутку? Чтобы вы могли попрощаться?

* * *

No se despidieron. En lugar de eso, se intercambiaron los teléfonos.

Прощаться они не стали. Вместо этого обменялись телефонами.

Ese fin de semana, Álvaro les contó a sus padres lo del trabajo. Fue mejor de lo que temía. En septiembre encontró un puesto nuevo: cuatro días a la semana, una empresa más pequeña y una jefa que apagaba el ordenador a las seis en punto y esperaba que todos los demás hicieran lo mismo, cosa que en España todavía parecía casi revolucionaria.

В те же выходные Альваро рассказал родителям о работе. Всё прошло лучше, чем он боялся. В сентябре он нашёл новое место: четыре дня в неделю, небольшая компания и начальница, которая ровно в шесть выключала компьютер и ждала того же от всех остальных, — для Испании это всё ещё выглядело почти революцией.

Y todos los domingos, a las siete de la tarde, le suena el móvil y una voz de Vigo dice, imitando fatal una grabación:

И каждое воскресенье в семь вечера у него звонит телефон, и голос из Виго говорит, из рук вон плохо изображая автоответчик:

—Bienvenido. Su llamada es muy importante para nosotros. Por favor, no cuelgue.

—Добро пожаловать. Ваш звонок очень важен для нас. Пожалуйста, не кладите трубку.

Después tararea los treinta primeros segundos de Vivaldi, desafinando; los dos se ríen y luego se pasan una hora hablando.

Потом фальшиво напевает первые тридцать секунд Вивальди, оба смеются — и болтают целый час.

Palabras y expresiones / Слова и выражения

estar en espera — висеть на линии, ждать ответа оператора

colgar — положить трубку

cogerse el día libre — взять выходной

el manos libres — громкая связь

estar a nombre de alguien — быть оформленным на кого-л.

el cambio de titular — переоформление договора на другого владельца

a propósito — нарочно

no ser capaz de + inf. — не мочь заставить себя что-л. сделать

ser un pipiolo — (разг.) быть новичком, желторотиком

dársele bien algo a alguien — хорошо получаться у кого-л.

Esto lo arreglamos. — Мы это уладим.

la lectura del contador — показания счётчика

DÍA 7

Nota de la traductora

Agnieszka Wróbel llevaba quince años traduciendo novelas españolas al polaco, y estaba convencida de que todos los libros tienen un secreto. Casi nunca un mensaje oculto: nada tan dramático. Solo un ritmo, una costumbre, una palabra a la que el autor tenía demasiado cariño. El trabajo de una traductora consistía en encontrar ese secreto y pasarlo con cuidado al otro lado de la frontera, a otra lengua.

Агнешка Врубель пятнадцать лет переводила испанские романы на польский и была убеждена, что у каждой книги есть тайна. Почти никогда это не тайное послание — ничего столь драматичного. Просто ритм, привычка, слово, которое автор слишком любил. Работа переводчика — найти эту тайну и бережно перенести её через границу, в другой язык.

El faro era la última novela de Mateo Quirós, que había muerto el invierno anterior de un infarto, a los setenta y tres años. Quirós había sido el gigante gruñón de la literatura del norte: famoso por sus frases largas, frías y hermosas, por negarse a conceder entrevistas y por su manía de describir el mar Cantábrico como si fuera alguien que le hubiera ofendido personalmente. El libro había salido cuatro meses después de su muerte. Los críticos lo llamaron su obra maestra. Agnieszka, que trabajaba en la mesa de la cocina de su piso del barrio de las Letras, en Madrid, a unos trescientos kilómetros del mar más cercano, pensaba que probablemente tenían razón.

«Маяк» был последним романом Матео Кироса, который прошлой зимой умер от инфаркта в семьдесят три года. Кирос был ворчливым великаном литературы испанского севера — знаменитым своими длинными, холодными, прекрасными фразами, отказом давать интервью и манерой описывать Кантабрийское море так, будто море когда-то лично его оскорбило. Книга вышла через четыре месяца после его смерти. Критики называли её шедевром. Агнешка, работавшая за кухонным столом в своей квартире в мадридском Баррио-де-лас-Летрас, километрах в трёхстах от ближайшего моря, считала, что они, пожалуй, правы.

La novela trataba de un viejo farero en un islote perdido frente a la costa asturiana, que había dejado de hablarse con su única hija. Tenía doce capítulos, y cada uno llevaba por título una sola palabra. Agnieszka había traducido diez antes de darse cuenta.

Роман был о старом смотрителе маяка, который жил на затерянном островке у берегов Астурии и перестал разговаривать с единственной дочерью. В нём было двенадцать глав, и каждая называлась одним словом. Агнешка успела перевести десять, прежде чем заметила.

* * *

Era un martes, muy tarde. Estaba peleándose con el título del capítulo once, *Tinieblas*, porque la palabra polaca sonaba demasiado a sermón de domingo, y había abierto el índice para ver qué tal quedaban los títulos todos juntos. Recorría la lista con la mirada, medio dormida, cuando de pronto las letras iniciales parecieron levantarse de la página.

Был вторник, поздний вечер. Она билась над названием одиннадцатой главы — «Тьма», — потому что польское слово слишком отдавало воскресной проповедью, и открыла оглавление посмотреть, как названия звучат вместе. Она скользила взглядом по списку, полусонная, когда первые буквы вдруг словно поднялись над страницей.

Sal. Arena. Resaca. Algas.

Sal — соль. Arena — песок. Resaca — отбойное течение. Algas — водоросли.

Se incorporó en la silla.

Она выпрямилась на стуле.

Linterna. Olas.

*Linterna — фонарь маяка. Olas — волны.
Silencio. Isla. Espuma. Niebla. Tinieblas. Orilla.*

*Silencio — тишина. Isla — остров. Espuma — пена. Niebla — туман. Tinieblas — тьма.
Orilla — берег.*

Cogió un lápiz y escribió las letras en el dorso de un sobre, una detrás de otra, y la mano no le obedecía del todo. Cuando terminó, se quedó mucho rato mirando lo que había escrito.

Она взяла карандаш и выписала буквы на обороте конверта, одну за другой, и рука плохо её слушалась. Закончив, она долго смотрела на написанное.

SARA LO SIENTO

SARA LO SIENTO — САРА, МНЕ ОЧЕНЬ ЖАЛЬ

* * *

En el mundillo literario todo el mundo sabía que Mateo Quirós tenía una hija llamada Sara, y todo el mundo sabía que llevaban quince años sin hablarse. La historia había salido en la prensa en su momento. Sara había escrito una primera novela a los veintiséis años. Antes de publicarla se la habían mandado a su padre para que diera su opinión y, de alguna manera —nadie llegó a saber cómo—, sus comentarios privados acabaron en un periódico. *Correcta. Limpia. Sin una sola frase viva.* El libro salió de todas formas y no se vendió casi nada. Sara Quirós no volvió a publicar nunca. Por lo que sabía Agnieszka, ni siquiera había ido al entierro.

Все в литературном мире знали, что у Матео Кироса есть дочь Сара и что они пятнадцать лет не разговаривают. В своё время эта история попала в газеты. В двадцать шесть лет Сара написала первый роман. Ещё до выхода рукопись показали отцу, и каким-то образом — никто так и не узнал каким — его личные замечания оказались в газете. Грамотно. Чисто. Ни одной живой фразы. Книга всё равно вышла и почти не продавалась. Большие Сара Кирос никогда ничего не публиковала. Насколько знала Агнешка, она даже не пришла на похороны.

A la mañana siguiente, Agnieszka llamó a la editorial española, en Barcelona. Habló con una editora y luego con el director editorial. Ninguno de los dos se había dado cuenta del mensaje. Los dos se emocionaron muchísimo. El director empezó a hablar de «una historia buenísima para la prensa» y de «una edición especial», y Agnieszka sintió una rabia fría y protectora que ni ella misma acababa de entender.

На следующее утро Агнешка позвонила в испанское издательство, в Барселону. Поговорила с редактором, потом с главным редактором. Ни один из них послания не заметил. Оба страшно разволновались. Главный заговорил об «отличной истории для прессы» и «специальном издании», и Агнешка почувствовала холодный гнев и желание защитить — она и сама не могла толком объяснить почему.

—¿Alguien le ha preguntado ya a Sara? —dijo.

—Кто-нибудь уже спросил Сару? — сказала она.

Una pausa.

Пауза.

—Bueno... no. Todavía no. Habría que hacerlo, claro.

—Ну... нет. Пока нет. Это, конечно, надо будет сделать.

—Entonces, por favor, no hagáis nada hasta que alguien se lo pregunte.

—Тогда, пожалуйста, ничего не делайте, пока кто-нибудь её не спросит.

Colgó y comprendió que ese alguien tendría que ser ella.

Она положила трубку и поняла, что этим «кем-нибудь» придётся стать ей самой.

* * *

Tardó tres días en escribir la carta. Era traductora: sabía que cada palabra cuenta y que las palabras más importantes suelen ser las que se dejan fuera. Al final le salió corta.

На письмо у неё ушло три дня. Она была переводчицей и знала, что каждое слово на счету и что самые важные слова чаще всего те, что остаются за кадром. В итоге письмо получилось коротким.

Estimada Sra. Quirós:

Уважаемая сеньора Кирос!

Estoy traduciendo al polaco la última novela de su padre. Mientras trabajaba, he encontrado en el libro algo que, creo, iba dirigido a usted, y solo a usted. No se lo he contado a nadie salvo a la editorial, y les he pedido que esperen. No sé si ha leído usted el libro ni si quiere leerlo. Si quiere que le cuente lo que he encontrado, se lo contaré. Si prefiere que no vuelva a mencionarlo nunca, así lo haré.

Я перевожу на польский последний роман вашего отца. Работая над ним, я нашла в книге то, что, как мне кажется, предназначалось вам — и только вам. Я не говорила об этом никому, кроме издательства, и попросила их подождать. Я не знаю, читали ли вы книгу и хотите ли её читать. Если хотите, чтобы я рассказала, что нашла, — я расскажу. Если предпочтёте, чтобы я никогда больше об этом не упоминала, — так и будет.

Un saludo cordial,

С уважением,

Agnieszka Wróbel

Агнешка Врубель

La editorial tenía una dirección de Sara en la calle Menorca, junto al Retiro, a veinticinco minutos andando del piso de Agnieszka. Echó la carta al buzón el viernes y se pasó el fin de semana sin traducir el capítulo once.

У издательства был адрес Сары — на улице Менорка, рядом с парком Ретиро, в двадцати пяти минутах ходьбы от квартиры Агнешки. Она бросила письмо в почтовый ящик в пятницу и все выходные так и не притронулась к одиннадцатой главе.

* * *

La respuesta llegó el miércoles, por correo electrónico. Solo decía: *En el Retiro, junto al estanque, hay un quiosco con terraza. Jueves, a las diez.*

Ответ пришёл в среду, по электронной почте. В нём было только: В Ретиро, у большого пруда, есть киоск с летней верандой. Четверг, в десять.

Sara Quirós tenía cuarenta y un años, los mismos que Agnieszka, y eso, por alguna razón, la sorprendió. Tenía las cejas pobladas de su padre y nada de su famosa frialdad. Era auxiliar de veterinaria, le contó, y olía un poco a perro. No había leído *El faro*. Llevaba quince años sin leer nada de lo que escribía él.

Саре Кирос был сорок один год — столько же, сколько Агнешке, и это её почему-то удивило. У неё были густые отцовские брови и ни капли его знаменитой холодности. Она оказалась ассистенткой ветеринара и слегка пахла собакой. «Маяк» она не читала. Она пятнадцать лет не читала ничего из того, что он писал.

—Y tutéame, por favor —añadió—. Tenemos la misma edad.

—И давай на «ты», пожалуйста, — добавила она. — Мы ровесницы.

Agnieszka no explicó nada. Simplemente sacó del bolso un ejemplar de la novela, lo abrió por el índice y lo deslizó por encima de la mesa. Luego se quedó mirando las barcas que cruzaban despacio el estanque, para que Sara pudiera leer sin sentirse observada.

Агнешка ничего не стала объяснять. Она просто достала из сумки экземпляр романа, открыла оглавление и подвинула книгу к Саре по столу. А потом стала смотреть на лодки, медленно плывущие по пруду, чтобы Сара могла читать, не чувствуя на себе взгляда.

Tardó mucho. Cuando Agnieszka por fin volvió a mirar, el dedo de Sara descansaba sobre la última palabra de la lista, tenía la cara mojada y se reía: una risa extraña, rota.

Читала она долго. Когда Агнешка наконец снова посмотрела на неё, палец Сары лежал на последнем слове списка, лицо у неё было мокрым, и она смеялась — странным, надломленным смехом.

—Doce capítulos —dijo—. Tuvo que montar todo el libro alrededor de esto. El muy cabezota... —Se interrumpió—. Con lo fácil que habría sido coger el teléfono.

—Двенадцать глав, — сказала она. — Он, должно быть, выстроил вокруг этого всю книгу. Упрямый старый... — Она осеклась. — А ведь мог просто взять телефон.

—A lo mejor no sabía cómo —dijo Agnieszka—. A lo mejor era el único idioma en el que confiaba.

— Может быть, он не знал как, — сказала Агнешка. — Может быть, это был единственный язык, которому он доверял.

* * *

Hablaron durante dos horas. De lo del periódico: ahora Sara creía que su padre nunca había filtrado aquellas palabras. Del farero de la novela, que evidentemente era él, y de su hija, que evidentemente era ella. Del padre de Agnieszka, en Gdansk, que no había dicho «lo siento» en toda su vida y que probablemente no lo diría jamás.

Они проговорили два часа. О газетной истории — теперь Сара верила, что отец никогда не передавал те слова в прессу. О смотрителе маяка в романе, который явно был им самим, и о его дочери, которая явно была ею. О собственном отце Агнешки в Гданьске, который ни разу в жизни не сказал «прости» и, вероятно, никогда не скажет.

—La editorial quiere convertir esto en una historia para la prensa —dijo por fin Agnieszka—. Una edición especial. Entrevistas.

— Издательство хочет сделать из этого историю для прессы, — сказала наконец Агнешка. — Специальное издание. Интервью.

—No. —Sara lo dijo sin dudar—. Lo escondió. Lo escondió de manera que solo lo encontrara yo, o alguien como tú. Así lo quiso él. —Miró el libro—. ¿Y tu traducción? En polaco no funciona, ¿no? Las letras son todas distintas.

— Нет. — Сара сказала это без колебаний. — Он это спрятал. Спрятал так, чтобы нашла только я — или кто-то вроде тебя. Так он хотел. — Она посмотрела на книгу. — А твой перевод? По-польски ведь это не работает, да? Буквы же все другие.

Agnieszka llevaba una semana dándole vueltas. Sacó del bolso el sobre, el mismo en el que había escrito las letras, y le dio la vuelta. Por el otro lado, a lápiz, había una segunda línea.

Агнешка думала об этом целую неделю. Она достала из сумки тот самый конверт, на котором выписывала буквы, и перевернула его. На другой стороне карандашом была написана вторая строчка.

SARO WYBACZ MI

SARO WYBACZ MI — САРА, ПРОСТИ МЕНЯ

—Doce letras —dijo—. Exactamente doce. Las he contado once veces. En polaco, cuando le hablas a alguien, el nombre cambia: Sara se convierte en Saro. Y no dice exactamente lo mismo: *wybacz mi* es «perdóname». Es un poco más de lo que escribió él.

— Двенадцать букв, — сказала она. — Ровно двенадцать. Я пересчитала одиннадцать раз. По-польски, когда обращаешься к человеку, имя меняется: Сара превращается в Саро. И смысл не совсем тот же: wybacz mi — это «прости меня». Чуть больше, чем написал он.

—O justo lo que no se atrevió a escribir —dijo Sara en voz baja.

— Или ровно то, что он не решился написать, — тихо сказала Сара.

—Claro que habrá que cambiarles el título a muchos capítulos. Y luego está la Y: en polaco casi no hay palabras que empiecen por Y. Para esa todavía no tengo solución. Pero se puede hacer. —Dudó—. Si tú quieres.

— Многие главы, конечно, придётся переименовать. А ещё есть буква Y: в польском почти нет слов, которые с неё начинаются. Для неё я пока не нашла решения. Но это возможно. — Она помедлила. — Если ты захочешь.

Sara se quedó mucho rato mirando el sobre. Luego asintió.

Сара долго смотрела на конверт. Потом кивнула.

* * *

Con la Y estuvo peleándose hasta marzo. La edición polaca salió en primavera. Agnieszka no escribió ninguna nota de la traductora que explicara el acróstico, aunque los traductores suelen hacerlo. Algunos secretos, decidió, no le tocaba explicarlos a ella. Quizá un día una lectora de Cracovia o de Breslavia se daría cuenta, a altas horas de la noche, medio dormida, como le había pasado a ella.

С буквой Y она билась до марта. Польское издание вышло весной. Агнешка не стала писать примечание переводчика с объяснением акростиха, хотя обычно переводчики так делают. Некоторые тайны, решила она, не ей объяснять. Может быть, однажды читательница в Кракове или Вроцлаве заметит его поздно ночью, в полусне — как заметила она сама.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.